

**ЮЛИЯ
ВАСИЛЬЕВА**

УПРАВЛЯТЬ
ДВОРЦОМ НЕ
ПРОСТО

Юлия С. Васильева
Управлять дворцом не просто
Серия «Управлять дворцом
не просто», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3133425

Управлять дворцом не просто: Альфа-книга; Москва; 2011

ISBN 978-5-9922-1014-9

Аннотация

Королевские смотрины... Венценосный жених в растерянности, невесты соревнуются в сумасбродстве, а политическая выгода и тонкий расчет ставятся выше любви. Банально и скучно? А что, если взглянуть на картину изнутри? Например, из кабинета управляющего дворцом вид открывается не менее захватывающий, чем с королевского престола.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	42
Глава 3	81
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Юлия Васильева

Управлять дворцом не просто

Глава 1

Уникальная методика борьбы с алкоголизмом

Настырный плющ все-таки прорвался сквозь заросли сорняков и теперь, гордый своей победой над вредной растительностью, лениво оплетал беседку. Запутавшись подолом платья в вольготно разросшемся репейнике, я помянула главного садовника «ласковым» словом и уселась на скамейку. Отсюда прекрасно просматривался выход из нашего дома, так что оставалось только ждать.

Ненавижу ждать! Я так нервно и шумно нарезала круги перед дверью отцовской комнаты, что даже невозмутимый доктор Кальвин вынужден был оторваться от пациента, чтобы выдворить меня на улицу. Я обиженно посопела, но ушла, понимая, что только помешаю, а от этого доктор диагноз быстрее не поставит.

Непривычно было видеть отца больным и слабым: сколько

себя помню, он никогда не жаловался на здоровье. Правда, работал без выходных и отпусков – когда-нибудь это должно было сказаться. И случилось, естественно, в самый неподходящий момент – как раз перед королевскими смотринами, когда в Греладу собирались съехаться представители (главным образом представительницы) десятка иностранных государств, а также местная знать. Без управляющего тут не обойтись. А он заболел, и не похоже, что болезнь скоро пройдет. Король не сможет быстро найти замену. И пожалуйста – престиж государства повис на волоске.

Я постаралась отвлечься от грустных мыслей, в чем мне помог некстати высунувшийся из норы крысолак. Тварь покрутила острой мордой из стороны в сторону и, заметив меня, с нетерпением стала ожидать обычной женской реакции. Пришлось разочаровать грызуна, метко запустив в него незрелым яблоком, сорванным с ближайшей ветки. Крысолак обиженно пискнул и скрылся под землей. Дожили! В королевском саду завелись крысолаки, будто в обычном огороде. Иностранные гости будут в полном восторге от близкого знакомства с подобными представителями местной фауны. Я вздохнула. И кто теперь станет этим заниматься?

Наконец на крыльце появилась сутуловатая фигура доктора Кальвина. Доктор относился к тому типу старичков, на лицах которых постоянно сохраняется приятное выражение, а в глазах прячется улыбка.

– Что с ним? – С этим человеком наша семья знакома

давно, поэтому можно было надеяться, что он простит мое нетерпение.

– Ники, успокойся, не надо так нервничать.

Я постаралась взять себя в руки. Сделала глубокий вдох, выдохнула.

– Его болезнь опасна?

– Это лишь следствие переутомления и нервного напряжения. – Доктор Кальвин покачал головой. – Пара месяцев отдыха – и все будет в порядке.

– Отец не согласится отдыхать! Тем более в такое время...

– Уже согласился, я нашел нужные аргументы. Завтра он уезжает в деревню к твоей матушке. – Старичок лукаво улыбался, глядя на ошарашенное выражение моего лица.

– Вот черт! – Что-то как-то не очень хотелось ехать в деревню к матери и братьям, но, похоже, придется. Одну меня при дворе не оставят. – Спасибо вам. – Я вовремя опомнилась и попыталась хоть как-то загладить свою грубость.

– Ты уж проследи, чтобы отец соблюдал постельный режим.

– Обязательно. – Дав невыполнимое обещание, я сделала легкий реверанс и стремительно запрыгала по лестнице к входу в дом. Глаз с отца действительно придется не спускать до самого отъезда (с него станет уже завтра взяться за работу!), а уж в деревне от опеки маменьки ему никуда не деться.

Я как обычно вихрем пронеслась по коридору и, распах-

нув дверь отцовской комнаты, еле успела остановиться, чтобы не врезаться в чью-то спину, обтянутую дорогим вышитым камзолом. Не без труда подавив вопль возмущения, ибо по здравом размышлении стало ясно, что это не отец, самовольно поднявшийся с постели, мне удалось очень вовремя приглядеться к владельцу спины и камзола.

– Ваше величество. – Присев в глубоком реверансе, я почувствовала, что начинаю краснеть под удивленным взглядом серых королевских глаз. Проклятье!!! Как он мог попасть в дом? Крыльцо же постоянно находилось в поле моего зрения!

Отец закашлялся на кровати – несмотря на болезненное состояние, сцена доставила ему немалое удовольствие.

– Моя дочь, леди Николетта. – Никогда бы не подумала, что буду представлена королю подобным образом.

Его величество слегка кивнул (видимо, все еще не отошел от моей наглости) и вновь повернулся к отцу, сделав вид, что меня в комнате не существует.

– Вернемся к нашему разговору, Эдвард. Тебе необходимо определиться с заместителем на время отсутствия.

– Пожалуй, я уже сделал свой выбор, ваше величество. – Отец уселся поудобнее на кровати. – Моя дочь Николетта прекрасно меня заменит.

– Она?!!

– Я?!!! – Мы с монархом уставились друг на друга с одинаковым недоверчиво-удивленным выражением лица, затем

медленно перевели взгляд на моего отца.

Сэр Эдвард был полностью удовлетворен эффектом сделанного заявления.

– Больше никому. Николетта как никто другой знает, в чем заключается суть моей работы. Остальным я попросту не доверяю.

Король еще раз критически осмотрел меня с ног до головы.

– Леди, сколько вам лет?

– Девятнадцать, ваше величество. – Отчего-то под его взглядом хотелось провалиться сквозь землю.

Монарх бросил выразительный взгляд на моего отца. Тот лишь пожал плечами:

– Ваше величество конечно же помнит, в каком возрасте состоялась его коронация.

Монарх поморщился, ибо короновали его в двадцатилетнем возрасте, после кончины отца.

– Хорошо, пусть будет так. Но запомни, Эдвард, ты рискуешь титулом младшего лорда.

– Я запомню, ваше величество. – Отец склонил голову, насколько позволяла его поза.

Король стремительно вышел из комнаты. А я уже достаточно пришла в себя, чтобы накинуться на отца с упреками.

– Папа, зачем ты это сделал?! Как я смогу управлять целым дворцом?!

– Ники, не кипятись. Это не так уж сложно, как кажется.

Уверен, ты справишься. – Отец откинулся на подушки, и я заметила, насколько он постарел. Болезнь, казалось, добавила седины в бакенбарды и морщин под глаза. – На кого мне еще оставить дворец, Ники?

– Да хотя бы на сэра Ульвена!

– Тебе самой не смешно?

Оставалось только вздохнуть, вспомнив сэра Ульвена, который совался со своими советами решительно всюду и при этом обладал талантом портить абсолютно любое дело.

– Я ничем не лучше его.

– Поверь мне, Ники, гораздо лучше. Я в тебе полностью уверен. Советую приступать к своим обязанностям прямо сейчас, пока я еще здесь и тебе есть кому задавать свои вопросы.

Я онемела от такого крутого поворота событий. Прямо сейчас? Мамочки! Наверно, на моем лице отразился довольно выразительный испуг, потому что отец стал тихонько посмеиваться.

– Иди сюда.

Я послушно подошла к его кровати.

– Это тебе пригодится. – Он снял с шеи массивный медальон управляющего и протянул мне.

Медальон был золотым, с огромным бирюзовым камнем посередине. Цепи, правда, не имелось – ее заменял толстый перевитый шнур. М-да, вот сейчас повешу этот булыжник себе на шею, и можно идти топиться в поросший кувшин-

ками королевский пруд, не дожидаясь, пока монарх прикажет казнить меня за недобросовестное выполнение обязанностей. Я напустила на себя мученический вид и повесила украшение на шею. Медальон удобно расположился в выреze платья, закрывая самую интересную его часть.

– Ты не хочешь дать мне никаких указаний?

– Нет, не хочу. – Сэр Эдвард для своего болезненного состояния улыбался подозрительно ехидно.

Меня начали терзать нехорошие предчувствия. Не люблю сюрпризов.

– Тогда я пошла?

– Иди, – еще более ехидно ответил отец.

Ну все, теперь я точно пропала.

Я вышла из дома и в нерешительности замерла на крыльце. Что делать дальше? С чего вообще нужно начинать? Необходимо все расставить по полочкам, иначе точно запутаюсь.

Итак, у меня две недели на то, чтобы подготовить дворец к приему гостей, а также на организацию различных увеселительных мероприятий вроде балов. Звучит как-то обманчиво нестрашно. Что для этого надо сделать? Начнем с того, что гостям нужно где-то жить и что-то есть. Значит, первым делом к дворецкому и повару. Во-вторых, не хотелось бы ударить в грязь лицом... то есть... дворцом. Я грустно оглядела безнадежно запущенный сад: в таких дебрях мы можем

потерять пару-тройку важных гостей, чем непременно вызовем дипломатический скандал.

Что-то подсказывало, что обращаться к главному садовнику по этому вопросу бесполезно, ибо онный пребывал в беспробудном пьянстве. Либо он у меня протрезвеет, либо придется искать нового, что за две недели нереально. Вывод: надо самой как следует расшевелить садовников, чтобы они хоть немного привели парк в порядок. Шедевра лентяи, конечно, не сотворят, но потом не так стыдно будет называть эти джунгли перед дворцом садом.

Я решительным шагом направилась к оранжерее – уж там-то обязательно найду кого-нибудь из садовнической братии. И не ошиблась. Сквозь большие стекла мне открылась поистине живописная картина: трое мужиков рубились в карты на старой бочке, невесть как попавшей сюда из винного подвала, какой-то щуплый паренек явно пытался загорать под листьями заморской пальмы, среди кактусов лежало пьяное тело, которое, скорее всего, принадлежало главному садовнику. Итак, пятеро. Интересно, где носит еще десяток этих бездельников? Что-то мне совсем не верилось, что они работают.

Я набралась смелости и вошла в оранжерею. Трое игравших в карты подняли глаза. Видимо, мой вид не произвел на них должного эффекта, ибо они тут же вернулись к игре. Я подошла ближе и кашлянула. На меня снова обратили внимание.

– Привет, леди, – пробормотал один из игравших, усыпанный золотыми веснушками. Затем его взгляд упал на медальон. – Взяли у отца поносить?

– Не-э-эт, – очень недобро протянула я. – Взяла у короля. Садовник слегка побледнел, так что веснушки на его лице стали казаться коричневыми пятнами.

– А у нас тут... обеденный перерыв... – жалобно пролепетал он, собирая карты, – ...заканчивается.

– Да пора бы уж, – «дружелюбно» улыбаясь, ответила я, – учитывая, что время близится к закату. Чем собираетесь заняться после «обеденного перерыва»?

– Ну, мы это... – растерялись садовники.

– Я слышала, что его величество собирался завтра прогуляться по западной части парка. Очень неприятно будет, если вдруг окажется, что он не любит дикорастущую флору.

Мужики согласно закивали и стали собирать свои инструменты.

Я посмотрела на паренька, который все еще безмятежно лежал под своей пальмой – спит, – подошла ближе и бесцеремонно ткнула его остроносой тувфелькой в голый бок. Подросток пробормотал что-то невнятное и отмахнулся от меня рукой. Ну ладно! Пнула гораздо сильнее – он подскочил как ужаленный и начал испуганно озираться. Увидел меня и, отчаянно краснея, натянул рубаху.

– Спим, значит, – протянула я, недобро сузив глаза. Наверное, со стороны это смотрелось забавно, а не страшно, но

паренек попятился и натолкнулся спиной на пальму. – У меня для тебя особое задание.

Кажется, любитель солнечных ванн принял без восторга мое заявление. Сейчас оно понравится ему еще меньше.

– Чтобы через час он был трезв и бодр. – Я кивнула на тело главного садовника, умильно обнимавшее кактус.

– Но как? – Парнишка смотрел на меня во все глаза.

– Не знаю. Придумай что-нибудь.

Когда я отошла от оранжереи метров на двадцать, сзади послышался звучный всплеск: паренек усердно окунал тушку главного садовника в озеро. Радикальный метод. Главное, чтобы озеро потом не зацвело.

Во дворце оказалось до неприличия тихо, лакеи и горничные призрачными тенями скользили вдоль стен и старательно меня игнорировали. Атмосфера та еще, аж мурашки по коже бегают. Такое ощущение, что во дворце покойник, а меня-то и не предупредили. Я некоторое время послонялась по помещениям в надежде найти кого-либо более-менее адекватного и уже почти отчаялась, как вдруг недалеко от библиотеки мелькнула знакомая растрепанная копна волос.

– Марика! – бросилась я к подруге, будто мы не виделись несколько лет.

Девушка от неожиданности вздрогнула и попыталась бежать, но было уже поздно.

– Ты чего так орешь? Что-то случилось? – Она взяла меня за плечи, пытаясь уклониться от неадекватных объятий.

– Марика, что здесь происходит? Что за жуть такая случилась, что все ходят как в воду опущенные? – Я стратегически крепко ухватила горничную за рукав платья, чтобы она не вздумала от меня отделаться. С нее станется.

– А ты не притворяйся, будто не знаешь. – Подруга выразительно глянула на медальон у меня на груди. – Ты хоть представляешь, что стало с господином Гальяно, как только ему сообщили? Ники, ну как тебя угораздило во все это ввязаться?

Я в красках представила себе, что случилось с дворецким, как только он узнал, что управляющим стала какая-то сопливая девчонка, а не он, и даже подивилась, что дворец еще стоит на месте, а не превратился в живописные руины. Господин Гальяно у нас мужчина сверх меры темпераментный да к тому же уверенный, что место женщины на кухне.

– Думаешь, я сама на это подрядилась?

– Зная тебя, можно предположить и такое, – хмыкнула Марика, ненавязчиво стараясь освободить свой рукав.

– А зная моего отца, можно предположить, что все это состряпал он. Да так оно и есть.

– Ники, мне работать надо, – наконец взмолилась горничная.

– Ладно уж, иди, – великодушно разрешила я, отпуская ее рукав. – Только скажи, где Гальяно.

– На втором этаже, заперся в кабинете казначея и бушует.

– А почему в кабинете казначея?

– Ну откуда ж мне знать? Вытурил беднягу Саржо и вот уже минут пятнадцать не пускает к себе никого. Может, думает, что ты его там искать не будешь?

– О, напрасно он так думает. Спасибо за информацию!

– Ники, ну я ж не стукачка, – сразу как-то сникла Марика.

– Да ну тебя! Выдумала еще тоже! Ты же мне просто подружески сказала, кто об этом узнает. – Я довольно улыбнулась. – И тем более, даже если узнают, ты мне только скажи, пусть теперь попробуют обидеть.

Марика вздохнула, и этот вздох, по-видимому, означал, что я безнадежна.

Ладно, потом с этим разберемся. А сейчас вперед, на второй этаж! Будем брать приступом кабинет казначея!

Никогда не думала, что смогу войти в такой азарт, выполняя работу отца. Наверное, все же власть пьянит, а в моем случае так и вовсе сносит голову. Только бы не наделать ошибок, за которые потом еще долго придется расплачиваться... Поэтому станем действовать быстро, а соображать еще быстрее.

Даже не зная, где находится кабинет казначея, дорогу можно было найти с закрытыми глазами, пользуясь только слухом. Вообще, создавалось такое впечатление, будто где-то заперли буйного носорога и он в ярости носится по своей тюрьме, пытаясь вырваться на свободу. Под самой дверью кабинета я нашла, собственно, самого казначея, который дрожал как осиновый лист, но мужественно не уходил. За-

видев меня, этот непризнанный храбрец издал восклицание, больше похожее на стон.

– Леди Николетта, да что это т-такое т-творится в самом деле?!

Далее последовала череда каких-то бессвязных стенаний, так что я стала опасаться, уж не бредит ли бедняга.

Все мои утешительные слова никакого действия не возымели. Напротив, господин Саржо всхлипнул как-то особенно жалобно и протянул мне счета, которые до сих пор трогательно прижимал к груди:

– Вы только п-посмотрите, что он д-делает, упырь п-проклятый.

Да, счета были основательно погнуты и, кажется, местами покусаны. Было бы даже жаль этого тщедушного и всеми обиженного человека, если бы я не видела его за исполнением своих профессиональных обязанностей. Но это совершенно другая история, и мы к ней еще вернемся...

– Пойду поговорю с ним. – Мне удалось деликатно отодвинуть от себя протянутые счета. – А вы сходите на кухню, водички попейте. Счета мы вам новые купим.

– На какие же это деньги купим? – начал возмущаться прижимистый казначей.

– Господин Гальяно купит.

Эти слова подействовали на скрягу лучше любого успокоительного.

– Тогда ладно...

Проводив взглядом худую долговязую фигуру господина Саржо, скрывшуюся за поворотом, я взялась за ручку двери. За стеной подозрительно грохотало, слышались тяжелые шаги и отдельные восклицания. Полнейшее ощущение, будто ты дрессировщик перед клеткой с диким зверем. Ну что ж, не трусить!

Я резко открыла дверь и предусмотрительно пригнулась. Как оказалось, не зря, а то получила бы чернильницей в свое не шибко распрекрасное, но от этого не менее дорогое личико. Убедившись, что больше письменные принадлежности в воздухе не летают, можно было выпрямиться. Господин Гальяно в гневе смотрелся страшно, но выглядел при этом примерно как красный усатый бык в панталонах – мне смешно, а другие шарахаются. Повисла театральная пауза.

Не знаю, как лучше было бы вести себя в сложившейся ситуации, но при общении с дворецким я обычно предпочитала холодную вежливую чопорность, хотя бы для контраста. Не скажу, что метод успешный, но бушевать с ним на равных у меня не хватало темперамента. Поэтому скорее волшебные гномики приведут в порядок королевский сад, нежели я сейчас заговорю первая. Прежде всего мой отец младший лорд, во-вторых, я женщина и здороваться первой не обязана, тем более в такой момент. Ну и в-третьих, как бы не было ему неприятно это осознавать, теперь господин Гальяно находится у меня в подчинении.

Итак, я ждала, наблюдая за изумительными переливами

цвета на лице дворецкого. Сначала он покраснел еще сильнее (я даже испугалась, что скоро буян сольется с бордовыми обоями), но затем, видимо, в голову ему пришла какая-то гениальная мысль, и цвет его кожи стал стремительно приближаться к общечеловеческому.

– Добрый день, леди Николетта. – Дворецкий не только поздоровался, но еще и выдавил из себя вялую улыбку. Я была, мягко говоря, поражена столь резкой перемене.

– По вашему поведению незаметно, что он добрый. – Удержаться от шпильки было невозможно.

– Это все от перенапряжения, дел-то последнее время предостаточно. – Видимо, господин Гальяно решил сделать вид, что ничего необычного не происходит, да к тому же завести светскую беседу. – Хотя кому я рассказываю, теперь-то вам будет известно обо всех делах во дворце.

Элегантный намек, ничего не скажешь.

– О, так вы уже слышали. – Я сделала круглые глаза. – Для меня это неожиданность и честь.

– Примите мои искренние поздравления. – Поздравления были настолько «искренними», что господин Гальяно все же не совладал с собой и слегка поморщился. – Если вам понадобится совет или помощь, вы всегда можете обратиться ко мне.

– Конечно-конечно, – елеино улыбнулась я. – Всегда знала, что на вас можно положиться.

– А теперь вынужден откланяться. – Дворецкий стал боч-

ком пробираться к двери. – Сами понимаете – дела...

Мне доставило большое удовольствие дожидаться, когда он доберется до выхода, и запустить вслед:

– Господин Гальяно, а ущерб вам все же придется возместить.

– Непременно.

– Из своего личного кармана. – Это был завершающий удар по противнику.

– А как же иначе. – Дворецкий скрылся за дверью.

Я обреченно вздохнула. Не к добру. И поклялась глаз с него не спускать.

То, что все самое страшное еще впереди, я поняла, когда спустилась на кухню. Можно бороться против пьянства, лени и явной агрессии, но поделаться что-либо с неотвратимо приближающейся к своему логическому концу беременностью я не могла.

– Тетя Кларина, – простонала я умирающим голосом, глядя на огромный живот королевской поварихи. И как только раньше мне удавалось ничего не замечать? Кларина, конечно, женщина в теле, но моей слепоте не было оправдания.

– Привет, Ники. Разве отец тебе не говорил, что через неделю мне придется оставить работу? – Кларина безмятежно улыбалась, а я безвозвратно теряла нервные клетки.

– Ни слова. – Вот уж не думала, что так скоро буду готова отдать медальон управляющего, только бы избавиться от

всей этой ответственности.

– И, значит, наверняка не удосужился подобрать замену, – вздохнула повариха и тяжело села на стул. – Ох уж эти мужчины, умудряются не замечать совершенно очевидных вещей.

Месяц восьмой-девятый – реальная оценка ситуации погрузила меня в уныние. Я проскулила что-то неразборчивое, носком туфли подтянула к себе трехногую табуретку и тоже села, скорбно положив подбородок на край стола. На кухне мне нравилось, особенно в такое время, как сейчас, когда обед только-только закончился, а делать ужин еще не начинали. Поваров на кухне было мало, а те, что оставались, готовили безо всякой спешки. Но сегодня близость к еде оказалась не в радость.

Наверное, лицо у меня приняло щенячье-грустное выражение, потому что Кларина сжалилась и сказала:

– Ники, может, еще не поздно? У меня есть племянник, год назад окончил академию доктора Плинуса по поварскому направлению, младший лорд, кстати (сестра моя поудачней, чем я, замуж вышла), пусть он меня заменит, пока ты не найдешь хорошего повара.

– Ну какое мне будет дело до его титулов, если гостям подадут несъедобные кушанья? Год назад окончил академию, сколько ему, двадцать два?

– Двадцать три, – поправила Кларина.

– Какая разница, чтобы быть королевским поваром, ну-

жен опыт, не мне вам об этом рассказывать. К нам приедут иностранные принцессы и прочая знать, а у нас повар-мальчишка. – Я почувствовала в своем голосе незапланированную слезливость и вовремя заткнулась, чтобы не слишком разжалобить саму себя.

– И что, мои поварята не подкачают, тут, скорее, нужен контроль, чем умение готовить. – Повариха подошла и погладила меня по плечу.

– Ну так, может, и оставите вместо себя одного из своих... мм, – я запнулась, глядя на бородатого мужика, разделяющего огромным тесаком коровью тушу, – кхм... поварят.

– Да ну тебя, не смейся, – махнула рукой женщина. – Эти балбесы и двух слов-то связать не могут, а ты хочешь, чтобы с ними общались гости. Они и меню составить не сумеют.

– Пойду, – еще жалобнее простонала я, не двигаясь с места.

– Куда?

– Вешаться. Думаю, с этим медальоном можно не только топиться, но и абсолютно удачно вешаться. Незаменимая вещь, в сущности.

– Вот за что тебя люблю, так это за твой оптимизм. – Меня по-медвежьи обняли. – Ну, так написать племяннику?

– Пишите, – сдалась я под напором поварихи. – Когда он приехать сможет?

– Да через неделю и приедет, у них имение недалеко от Грелады, – радостно защелбетала женщина, довольная тем,

что так хорошо пристроила родственничка. Замена заменой, а так ведь и за место при дворе зацепиться можно. – Ты не пожалеешь.

Я уже жалела. Просто великолепно! В управляющих замка сопливая девчонка, главный садовник – пьяница, дворецкий – буйнопомешанный, так еще и королевским поваром станет зеленый юнец, у которого все рецепты до сих пор в студенческих конспектах!

Мама, мама, забери меня отсюда! Поеду в деревню, буду нянчить братьев и интересоваться урожаем брюквы в этом году!

Я оставила Кларину радостно строчить письмо племяннику, а сама поплелась по бесконечным коридорам замка, думая, что бы еще такое сделать и не достаточно ли на сегодня. На втором этаже слышались вопли казначея: «Людоед проклятый!» – у него в отсутствие дворецкого прорезался почти что оперный бас. И как только этот голос помещается в щедушном теле?

На третьем этаже мимо меня промелькнула фигура короля. Уж не померещилось ли? Монархи редко крадутся на цыпочках. Любопытство повело меня следом. Ратмир II совсем не величественно шмыгнул в одну из малых гостиных, но я заглянуть туда не решилась. Да и сзади раздался звук шагов: по коридору гуськом шествовали министры, восемь штук, у каждого в руках какие-то бумажки. Кхм, странно, эти типы редко вылезают из своих кабинетов.

– Добрый день, леди Николетта. – Министр сельского хозяйства, как всегда, оказался самым вежливым, или просто он единственный, кто из всей этой компании знал, как меня зовут. – Вы не видели его величество?

– Добрый день, – улыбнулась я и встала ровнехонько на проходе в гостиную. – Нет, к сожалению, сейчас не видела.

Министры зашуршали и посеменили дальше по коридору, потеряв ко мне всякий интерес.

– Спасибо, – раздался из-за тяжелой портьеры монарший голос.

– Не за что, – ответила я и поспешила убраться с этого места. А ну еще его величество возмутится, что управляющая праздно шатается по коридорам – это им, коронованным особам, можно бегать от работы, а мне ни-ни.

Не желая больше искать приключений на свою голову, я поплелась к кабинету своего отца, а вернее, теперь уже к моему кабинету. Но войти в него мне было не суждено, под дверью дежурили... Портниха и две ее помощницы. Не заподозрив подвоха, приблизилась к ним без всяких опасений и тут же была подхвачена под руки с двух сторон.

– А поздороваться? – обиженно протянула я, вовсе не представляя, что им от меня надо.

– Некогда, – безапелляционно отрезала мадам Лизет, – нам еще нужно снять с тебя кучу мерок и определиться с тканями.

– Для чего? – Я уперлась пятками в пол, но помощницы

портнихи были дамами атлетического сложения и бесстрастно продолжали волочить меня за собой. – У меня дел много! Куда меня тащат?

– А новый гардероб вы откуда брать собираетесь? – хмыкнула моя мучительница.

– А мой старый чем вам не нравится? – не сдавалась я врагу.

– Позорище! – припечатала мадам Лизет. – Разве можно в этом появиться при дворе, а уж тем более перед иностранными гостями?

Я невольно перестала сопротивляться и критически оглядела себя. Платье как платье. Ну что им всем от меня надо?

Следующее утро оказалось еще безрадостнее, чем предполагалось. Отец уезжал в деревню. И если раньше я как огня боялась того, что он увезет меня с собой, сейчас с радостью уехала бы с ним, хоть в чемодане. Отец был подозрительно бодр, за резные столбики крыльца не цеплялся, оставить его при дворце не упрашивал. Я позевывала, вчерашний обмер для гардероба затянулся допоздна – ох, не так себе представляла будни управляющего.

– Ники, ты, главное, не отчаивайся, – ободряюще начал отец. – Уследить за всем все равно невозможно, просто работай.

– Угу, – невесело кивнула я, – потом найду себе замену и тоже приеду к вам в деревню, поправлять пошатнувшееся

здоровье.

– Ну вот, молодец. Сарказм – первый признак неугасающего оптимизма. – Он обнял меня на прощанье.

– Скорее уж наоборот. Маму поцелуй и братьям привет. Писать не обещаю, наверное, некогда будет.

– Ничего, я и без твоих писем буду в курсе событий, – хитро подмигнул отец.

Когда карета отъехала от дома, я с тяжелым вздохом мученика, обреченного на казнь, поплелась ко дворцу. Либо у меня разыгралось воображение, либо местами сад стал выглядеть чуточку попримечнее. По крайней мере исчезли толстые корни и лианы, которые раньше бесцеремонно выползали на дорожку, и теперь можно было не опасаться, споткнувшись, получить неожиданную коррекцию лица дорожной кладкой. Если садовники сделали это всего за вечер, появлялась надежда, что к приезду гостей в саду можно будет гулять. Но тут мне в голову закрались нехорошие опасения, и я решительно свернула с главной тропинки, пусть для этого и пришлось проломиться сквозь недружелюбный кустарник. С руганью, вовсе не подходящей леди, я вывалилась на соседнюю дорожку. Дорожка находилась в состоянии первозданной дикости, и не только она одна, но и все, на которые я потом удосужилась повернуть. Так... умники. Значит, привели в порядок путь от моего дома до дворца и думают, что на остальное никто не обратит внимания. Самое обидное, что сейчас никак не могу придумать, что бы такого с ними

сделать, чтобы у них мозги встали на место. Уволить не уволишь, где потом других брать в таком авральном режиме?

Я решила пока плюнуть на это дело и снова направилась к дворцу, по пути стряхивая с платья мусор, который героически собирала по всему саду в течение последних десяти минут. На лестнице восточного входа во дворец меня ждал сюрприз. Сюрприз источал винные пары, сидел, подперев небритую щеку рукой, и тоскливо глядел куда-то вдаль. Значит, вчера главный садовник так и не протрезвел, и радикальные водные процедуры прошли зря. Хотя... чего я ожидала?

Превозмогая отвращение, я присела рядом с ним на ступеньку (все равно платье после моих вылазок придется менять) и тоже задумчиво уставилась вдаль. Взору открывались какие-то неровные дебри.

– Красота-а-а. – Как зовут садовника, мне не вспомнить, а завязать разговор надо.

Мужик пробормотал нечто нецензурное в ответ, отвернулся и сплюнул. Разговор явно не клеился.

– Нет, ну а что вам не нравится? Дикая природа – самое прекрасное, что может быть на свете. Нам обязательно нужно запустить сюда стаю волков и создать естественную экосистему, – заливала я. – А когда вся эта флора и фауна начнет распозлаться по дворцу, мы и вовсе станем жить в единении с биосферой.

– Какая, к лешей бабушке, биосфера, – пробурчал он на редкость связно для пьяницы. – Деточка, сделай одолжение,

заткнись. Сначала испоганят все, а потом у них, видите ли, биосфера какая-то! Вали отсюда, куда шла.

– Это что еще такое я испоганила? – Моему возмущению не было предела. – Сами сад до какого состояния довели – зайти страшно!

– Ну не ты испоганила, так твой папаня постарался, мотыгу ему в печень! Кто два года назад восточное крыло ремонтировал, я, что ли?

– Может, и ремонтировали, это тут при чем? – В то время моя особа благополучно чахла в деревне, поэтому уверенности в моем голосе поубавилось.

– А то, что испоганить вы всегда готовы, а как исправлять, так, Митич, выкручивайся сам! Я тебе сказал проваливать, так и проваливай, ишь ты, расселась тут, юбками пол вытирает!

Его заплывшие мутные глаза смотрели на меня очень недобро, даже захотелось поежиться.

– Да что испоганили-то?

– Кыш!!!

Я поняла, что дальнейшие расспросы бессмысленны, и не без радости встала – уж больно убийственный дух тут стоял. Если от него мне ничего не добиться, надо искать информацию в другом месте. Мне пришлось снова углубиться в сад и направиться в сторону злополучной теплицы – гнезда лениности и развращенной садовнической жизни.

Картина, представшая моим глазам, на этот раз отлича-

лась лишь отсутствием пьяного тела под кактусом (ибо оно присутствовало на лестнице) и тем, что теперь играли не в карты, а в домино. При моем появлении костями зазвенели и спрятали их куда-то под бочку.

– Доброе утро, – первым сообразил поздороваться вчерашний заморыш, которому я сдала на руки главного садовника. С заданием он не справился, но толк из него выйдет – стоит взять на заметку.

– Если бы доброе. – Начало моей речи было многообещающим. Эх, зря все колючки и ветки из платья и волос вытащила! Такой бы наглядный пример получился! – Я, знаете ли, гулять на свежем воздухе люблю по утрам.

Садовники дружно позеленели, будто собирались пустить корни в своей теплице, а затем стали делать какие-то робкие поползновения в сторону садового инвентаря.

– Хотя, собственно, я не поэтому пришла. – Люблю радовать людей. – Просто хотела полюбопытствовать, что произошло во время перестройки восточного крыла дворца два года назад.

– Ну дык это, – с умным видом начал мужик в живописной жилетке на голое тело. Господи, одел бы его кто, все ж не в богом забытом лесничестве белок стережет. – Того, дворец перестраивали. Лесенку там забабалили, любо-дорого поглядеть.

– Это понятно, – поморщилась я. – А когда перестраивали, ничего не испортили?

– Уж как водится, все попортили. На том месте раньше розочки были, так они пока кирпичи возили, все и повиштопали. – Рассказчик шумно почесал поросль на груди.

– В смысле розочки?

– Розарий, – продемонстрировал более широкий словарный запас одаренный подросток. – Митич над ним трясся-трясся, а ему потом даже денег на восстановление не дали.

А садовник-то у нас, оказывается, пьет исключительно по причине тонкой душевной организации. Хотя мне до сих пор слабо верилось в мистическую связь между розочками и бутылкой, проработать этот момент стоило.

– А вы конечно же в розочках не разбираетесь? – даже и не надеясь на положительный ответ, а больше мысля вслух, протянула я.

– Ну, э-э-э-э, – смущенно поднял лапку парнишка. – Мой дядя занимается селекцией новых сортов роз.

– Как тебя зовут? – еще не веря своему счастью, поинтересовалась я.

– Зак.

– Пойдешь со мной. – Такие ценные кадры пригребать к рукам надо сразу же.

На выходе из теплицы я резко обернулась к расслабившимся было мужикам:

– А вы чего растеклись? Расчищайте место под розарий, будем восстанавливать!

– Дак... неизвестно, будут еще розы или нет, – проворчал любитель жилеток на голое тело.

– Если через два дня не будет готово, отправлю в Сарейское лесничество гоблинов гонять. – Голос мой был кроваваден от мнимого предвкушения.

Откуда им знать, что всех гоблинов там давно повывели?

Хотя иногда осознаешь, что лучше бы пошла охотиться на гоблинов, нежели общаться с некоторыми личностями.

– Я занят! – Господин Саржо недружелюбно зыркнул в мою сторону. – Зайдите попозже или оставьте заявку у секретаря.

Тут же рядом со мной словно тень нарисовался немногословный секретарь казначея, цепкими пальцами-косточками сжимавший бланк заявки. У меня всегда мурашки бегали по коже от этого человека, весь вид которого будто кричал, что его недавно выпустили из фамильного склепа, где он лет триста занимал должность родового привидения. Канцелярские крыски (как я их ласково называла), помощники господина Саржо, посмотрели на меня сочувственно. Мальчишка-садовник и вовсе затерялся где-то за кипой счетов и старался не подавать признаков жизни. Вот уж поистине логово всемирного зла!

– Нет, так не пойдет, мне деньги нужны сейчас. – Конец моей фразы прозвучал менее бодро. – Крайне важное дело.

– Ну и на что же вам нужны деньги? – проскрипел госпо-

дин Саржо, не поднимая длинного носа от какой-то бумажки.

– На восстановление розария, – шустро отрапортовала я, хотя чувствовала, что вокруг сгущается недобрая атмосфера.

– Кхе-кхе. – Казначей то ли закашлялся, то ли засмеялся. – А знаете ли вы, милая барышня, что в связи с предстоящим мероприятием затраты на дворец возросли втрое? Какой еще, к чертовой бабушке, розарий?

Он ткнул толстенную книгу счетов едва ли не мне в нос. И откуда столько хамства в этом тщедушном человеке?

– Стоп, стоп, стоп.

Казначей попытался вернуть себе книгу, но я вцепилась в нее мертвой хваткой.

Зачем нам во дворец два ящика сигар «Кровавый рассвет»?!

Он как-то сразу обмяк и отпустил книгу, так что я чуть не улетела вместе с ней в другой конец кабинета.

– Ну, господин Гальяно сказал, что мы должны обеспечить достойный прием, поэтому сигары должны быть в каждой гостиной, – пролепетал казначей совсем уже неуверенно.

– Вы меня удивляете, господин Саржо, при вашей-то хватке, – нагло улыбаясь, поцокала языком я. – К нам приезжают принцессы и благородные леди, *девушки*, господин Саржо, *девушки*! Какие, к лешему, сигары «Кровавый рассвет» в каждой гостиной?! А вот розарий был бы тут в самый раз.

Казначей слегка порозовел. Странно, что этот жутко прижимистый человек идет на поводу у дворецкого, словно слепой кутенок! Я пролистала книгу дальше, вскоре обнаружили сто незапланированных литров крепчайшего коньяка на кухню, две картины популярного художника под общим названием «Куртизанки в раю» (кому они предназначались, к счастью для получателя, не было указано), загадочная подкова с не менее загадочной припиской «на счастье» в конюшню и еще куча всякой мелочовки.

– Неудивительно, что расходы возросли втрое, – мстительно протянула, глядя на совсем стушевавшегoся счетовода. Сомневаюсь, что все это такие уж большие расходы, но должна же я была поглумиться над беднягой.

– Насчет втрое – это я преувеличил, – пошел на попятный господин Саржо.

– Так, всю ту ересь, которую еще не оплатили, отменить. Все лично заинтересованные могут побеседовать со мной в частном порядке и доказать оправданность этих трат. Ну а на сэкономленные таким образом деньги мы и восстановим розарий, – резюмировала я. – Господин Саржо, выпишете доверенность вот на этого... Зак, вылезай уже из-за шкафа... молодого человека.

Зак высунул смущенное веснушчатое лицо и, не зная, куда девать длинные неуклюжие руки, подошел ко мне.

– Во сколько нам примерно это встанет?

Парень на секунду замялся, но говорить начал по делу:

– Нам же нужны уже взрослые растения, да к тому же хороших сортов. Исходя из площади, это минимум кустов триста. Куст стоит от одного до двух ладов, в зависимости от сорта.

– Значит, в среднем получится около четырехсот пятидесяти ладов, – быстро подхватил казначей.

– Плюс доставка и сопутствующие материалы – еще ладов пятьдесят, – вогнал в тоску только-только просветлевшего Саржо паренек.

– Доставим своими силами, – не сдавался казначей.

– Ну вы тут дальше сами разбирайтесь. – Я стала стратегически отползать к двери: расчеты никогда не были моей сильной стороной. – Зак, сообщишь мне, когда привезут розы.

Наш церемониймейстер имел почти идеальную форму... форму шара. Было совершенно непонятно, куда при его создании матушка-природа подевала шею. Зато эта идеальная форма нисколько не мешала ему двигаться. Я шла по коридору к покоям короля, а вокруг меня бойким клубком прыгал сэр Мэлори, потрясая каким-то списком и беспрестанно тараторя:

– Вы же понимаете, это очень важно, в Либерии не танцуют мольез, а в Азме это национальный танец. В Катоне вообще танцевать не принято – это считается неприличным занятием для хорошего общества. В Церсе предпочитают калькот, но это танец, слишком откровенный даже для Грелады.

И потом, совершенно непонятно, когда устраивать бал. Церемония представления может затянуться, а на следующий день – это уже как-то не так торжественно. Да и расходы, расходы, у нас очень ограниченный бюджет. – Церемониймейстер говорил без передыху, и я знала, что, если его не остановить, это будет продолжаться бесконечно. – Ну так вот, насчет танцев...

– Сэр Мэлори, играйте на балу вальс – это избавит вас от многих лишних проблем, а остальные танцы включите по одному, чтобы не обидеть гостей, – наконец сумела вклиниться я в словесный поток. – И вообще, каким образом меня касаются эти проблемы? Церемониймейстер вы, и на вас лежит организация всех торжественных мероприятий, я к этому имею лишь косвенное отношение. Зачем вообще вести меня к королю?

– Ну вы же понимаете, все должно быть согласовано. Может быть, завтра решу устроить фейерверки, я хочу знать ваши возражения по этому поводу. И мы вдвоем должны учитывать пожелания его величества. Кстати, как вы относитесь к фейерверкам? Что, если их устроить после бала?

– Положительно отношусь, если при этом не пострадает дворец. – Мне пришлось поспешить с ответом, только чтобы он не продолжал своей мысли. – А вот и покои короля.

Вздохнув с облегчением, я предупредительно пропустила сэра Мэлори вперед: пусть сам объясняет, зачем мы сюда приперлись.

– Доложите, что церемониймейстер и управляющий дворцом прибыли по делу к королю, – неуклюже, но зато официально заявил колобок одному из стражников перед дверью.

Не говоря ни слова, страж скрылся в покоях, и почти тут же мы услышали голос монарха:

– Пустить.

«Что-то как-то уж больно много радости в этом голосе!» – подозрительно подумала я. Сомневаюсь, что наши персоны могут вызывать такой восторг без всякой причины.

Как оказалось, причин было целых две. Первая – излишне волосатая, странно одетая и сладкоречивая – звалась министром иностранных дел. Вторая – в розовых рюшах и старомодном чепце – королевской свахой. Обе они штурмовали короля при помощи коллекции портретов принцесс и знатных дам. Я мысленно посочувствовала Ратмиру II, не забыв, впрочем, и про реверанс.

– Сэр Мэлори, леди Николетта, я скоро освобожусь. – Монарх многозначительно глянул на своих мучителей. – Присядьте пока.

Мы послушно сели, словно дрессированные собачки. К счастью, обстоятельства не позволяли сэру Мэлори продолжать свою трескотню, поэтому я имела возможность немного поскучать и прислушаться к разговору, который, видимо, длился уже не первый час, да и не первый день.

– Принцесса Анит из Либерии, – лорд Дансэн настойчиво совал под нос королю портрет какой-то девицы, – достаточ-

но выгодная партия: таким образом мы сможем поправить нашу торговлю. А потом, кто знает, ее старший брат, наследник престола, – хилый тщедушный человек, случись чего, больше, кроме Анит, наследников трона нет.

– Да вы, ваше величество, только посмотрите, какая девушка, – вторила министру сваха. – Сразу видно: крепкая, здоровая – продолжение рода вам обеспечено. Да и сильная – мне доложили, что принцесса Анит интересуется кузнечным делом, сама объезжает лошадей и очень любит охоту.

Я даже слегка приподнялась, чтобы иметь возможность полюбоваться на эту чудо-девицу. На портрете была изображена крупная девушка с румянцем во всю щеку, смоляными бровями вразлет и *очень* большим размером груди.

– Что-то мне не хочется, чтобы моя будущая жена занималась кузнечным делом, – словно озвучил мои сомнения монарх.

– А вы не жену выбираете, а королеву, – остановиться во время мне не удалось, – ой!

Все посмотрели на меня неодобрительно. Я закрыла рот и села, стараясь казаться как можно меньше. Ну и кто тянул меня за язык? Мне не сказали ни слова, наверное, уж больно пристыженный вид у меня был. Уж что-что, а изобразить раскаяние я умею. Именно изобразить.

– Давайте на этом закончим, – воспользовался моей бестактностью Ратмир II. – У нас еще будет время, чтобы все обсудить.

Министр и сваха недовольно закивали, но к двери пошли покорно, на ходу обсуждая, как геополитическое положение страны влияет на степень привлекательности той или иной девушки. Я поморщилась: все же незавидная участь у монархов. Взглянула на самого короля и обнаружила у него точно такое же выражение (к слову сказать, совсем некоролевское). Ратмир II тут же встрепенулся и сделал лицо кирпичом, будто ничего особенного и не произошло. О, простите! Кажется, о царских особах так не говорят, пусть будет «сделал лицо мраморной плитой», хе-хе.

– Сэр Мэлори, что у нас там с планом праздничных мероприятий?

Розы привезли через несколько дней. К тому времени я уже нервно била копытом в ожидании этой флоры, потому что, как ни старалась каждый день гонять садовников, какими только изощренными карами ни грозила, эти бездельники не могли довести сад до приличного состояния. А тем временем до прибытия первых гостей оставалась едва ли неделя.

Поэтому, когда ко мне в кабинет без стука влетел запыхавшийся Зак и выдохнул: «Привезли!» – я с восторгом покидала на стол списки гостей, до которых у меня только-только дошли руки, и бросилась вдогонку за мальчишкой, ибо этот сорванец и не подумал сбавить скорость из-за того, что за ним следовала дама. Я едва не поскользнулась на свежewe-мытых полах восточного холла, но сумела удержаться на но-

гах и выскочить вслед за Заком на крыльцо, почти не отстав от него.

По дороге, только недавно освобожденной от буйной растительности (не без моего чуткого руководства, конечно), тянулись тяжело нагруженные повозки. Зрелище радовало глаз.

– Где садовники? Кто будет разгружать? – спросила я Зака.

– Сейчас подойдут. Сами и разгрузим, тут ведь аккуратно надо.

– Тогда тащи сюда Митича.

– Так он опять пьяный, толку от него! – возмутилось молодое дарование.

– Сказала – приведи, значит приведи, в каком бы состоянии он ни был. Если понадобится, попрешь на себе, – отрезала я.

М-да, от присутствия главного садовника при разгрузке цветов зависел успех моего психологического мероприятия. Зак убежал – только пятки засверкали. Стали подтягиваться садовники, словно лесные тролли, вылезая из кустов. Я в который раз посетовала на их дикий и неухоженный вид (надо будет что-то с этим сделать, но не сейчас, у меня для этого еще есть неделя). От безысходности захотелось побиться головой о перила лестницы, но я взяла себя в руки и даже изобразила на лице улыбку, когда садовники приблизились ко мне.

– Ну что, леди, начинаем разгружать? – Мужик в жилетке,

наверное, специально подошел ко мне, чтобы испытать на прочность мой эстетический вкус.

– Через пять минут, только Митича дождемся, – пообещала я.

К счастью, долго ждать не пришлось. В конце аллеи показались две пошатывающиеся фигуры: одна худая и тонкая, Зака, другая (собственно, сам источник пошатывания) – главного садовника.

– Куда его? – спросил запыхавшийся паренек, с трудом дотащив тело.

– Сгружай на лестницу, только так, чтобы ему было видно, чем мы здесь занимаемся.

Митича усадили на ступеньки, я немного брезгливо села поодаль.

– Начинайте разгружать, – это уже садовникам, – только... «Только поосторожней», – хотела добавить, но вовремя опомнилась. Поосторожней-то как раз и не надо. Разгрузка началась под легкий матерок и конское ржание. Митич немелодично икал и булькал рядом, я подперла щеку рукой и стала ждать. Зак, заметив, что его не гонят на погрузку, сам трудового рвения проявлять не спешил и втихаря, думая, что я не обращаю внимания, прислонился к перилам. Ладно, пусть стоит, все равно он слишком тщедушный.

Через некоторое время процесс пошел.

– Что это вы тут делаете? – беспрестанно покачиваясь и безуспешно пытаясь сосредоточиться, спросил Митич.

– Розы разгружаем. – Я не спешила вдаваться в детали.

Взгляд у садовника стал бычьим – он так уставился на своих подчиненных, что я на их месте уже начала бы спотыкаться и ронять кусты.

– Какие такие розы? – Вопрос был более чем угрожающим.

– Вот купили розы, хотим высадить на месте старого розария.

Митич уставился на освобожденную и вскопанную площадку:

– Руки пообрываю недотепам...

Пожалуй, продолжение его речи я передавать не буду.

Садовник попытался встать, но ноги его не слушались, он начал нашаривать рукой опору, но ничего похожего поблизости не было.

– Зак, – позвал он, заметив подростка, разглядывавшего его не то с изумлением, не то с некоторым сарказмом.

Зак подскочил к нему и помог встать на ноги. Митич чуть не двинулся к вскопанной площадке, но тут снова обратил внимание на процесс разгрузки цветов. Такого злого выражения лица мне за свою недолгую жизнь еще видеть не доводилось.

– Что вы, ублюдки безрукие, делаете? – зарычал все еще пьяным голосом главный садовник. – Да за такое...

Дослушивать я не стала, поднялась со ступенек, отряхнула платье и пошла в замок. Через день-два надо сделать еще

одно контрольное наблюдение за «пациентом», а в остальном эксперимент вполне удался.

Глава 2

Секреты дрессуры животных, и не только

У меня в руках был список гостей, которым предстояло поселиться в замке – всего тридцать четыре девицы с мамами, няньками и прочей свитой. Кажется, с этим списком я уже умудрилась обегать половину дворца в поисках господина Гальяно. Поиски были безуспешны. Да прячется он от меня, что ли? Тогда решила найти Марику, пронырливая горничная всегда умудрялась быть в курсе всех дел, а выследить ее было не в пример проще.

В прачечной меня ждал неожиданный успех. Марика с кислой миной на лице собирала белье в корзину. Все ясно: ей просто не с кем поболтать. С прачками-то особо не поговоришь.

– Ты-то мне и нужна, – победоносно заключила я.

– Ники, что опять стряслось? Ты целую неделю как угорелая носишься по замку, неужели за это время нельзя было решить всех проблем?

– Ты себе просто не представляешь, сколько этих проблем. И потом, я же никогда ничем подобным не занималась... Но дело не в этом. Гальяно не видела?

– Почему ты вдруг решила искать его около меня? – фырк-

нула девушка.

– Так получилось.

– Не знаю, где он. А в его кабинете смотрела? А что, собственно, тебе от него нужно на этот раз?

– Да вот, список приглашенных, хотела узнать, какие комнаты он уже приготовил и кого куда поселит.

– Мы готовили комнаты в южном и частично восточном крыле, всего чуть меньше сорока, кажется, а кого...

– Стоп! – резковато воскликнула я. Еще бы! От таких новостей у кого угодно волосы встанут дыбом. – Сколько, ты сказала, комнат?

– Около сорока. – Марика даже отступила на шаг. Ее карие глаза смотрели на меня растерянно.

– Но во дворце решили поселить тридцать четыре девушки!!!

– Как раз хватит, даже с запасом. – Она до сих пор не понимала, о чем я говорю.

– Мика, очнись, где ты видела принцессу, которая приезжает без свиты и родственников?!

У подружки от открывающихся нерадужных перспектив глаза поползли на лоб.

– Но как же?.. – растерянно спросила она. – Почему?

– Не думаю, что Гальяно именно такой идиот, каким пытается казаться. Скорее всего, он сделал это намеренно. – Я мрачно вышла из прачечной и придержала дверь, чтобы горничная смогла протиснуться с бельевой корзиной.

– Ники, а ведь эти комнаты мы закончили убирать еще неделю назад. А потом я еще удивлялась, зачем мы готовили их в такой спешке, а теперь вдруг работы не больше, чем обычно.

– Может, изначально Гальяно и собирался приготовить комнат раза в два больше, но потом...

– Потом ты стала управляющим, – продолжила мою мысль Марика. – Ники, но это же подло! Зачем ему это? Даже не знаю, как такое назвать.

– Саботаж, обычный саботаж, – спокойно сказала я, хотя сохранять спокойствие было нелегко.

– Мне брат рассказывал, как поступают с саботажниками на морских судах, – очень недобро пробормотала горничная. – За борт, и дело с концом.

– К несчастью, мы не на корабле, и, выкинув Гальяно, скорее приобретем проблем, чем избавимся от них. По крайней мере сейчас этого делать не стоит. Ладно, я пойду и все же разыщу его. Надо что-то с этим решать.

Ну вот, еще одна головная боль. Я никак не могла придумать, как найти подход к дворецкому. Конечно, самый простой способ – это пожаловаться королю да и выкинуть его из замка. Но что дальше? Э-э-эх, непростая задача.

По привычке я снова притопала к кабинету дворецкого. На этот раз оказалось, что комната обитаема.

– Добрый день, господин Гальяно. – Стучаться перед тем, как войти, у меня не было ни малейшего намерения.

Дворецкий едва не поперхнулся коньяком и выронил из рук сигару «Кровавый закат».

– День добрый, леди Николетта. Чем обязан? – Этот наглец сделал вид, что ничем предосудительным не занимается, но сигару затушил.

– Решила узнать, подготовлены ли уже комнаты для наших гостей.

– Подготовлены.

– А не просветите ли вы меня, господин Гальяно, сколько именно комнат?

– Все согласно предоставленному списку приглашенных, – начал подозревать недоброе тайный саботажник.

– Назовите мне число комнат, господин Гальяно! – Я добавила в голос стали – в данный момент это вышло отлично.

– Тридцать восемь, – прошипел дворецкий, но раскаяния на его лице я не заметила.

– Вы считать умеете?! – Я грубо ткнула ему в лицо список приглашенных. Что ж, придется поскандалить: мягкие методы мы уже пробовали.

– Да что не так-то!!!! – начал переходить на крик и багроветь Гальяно. – Тридцать четыре человека – тридцать восемь комнат, даже с запасом, на всякий случай!!

– Господин Гальяно, а вы принцесс собираетесь вместе с родственниками и прислугой селить, чтобы в тесноте, да не в обиде?!

Гальяно вырвал список и навис надо мной злобной гро-

мадой.

– Скажите мне, милая леди, где, где вы здесь видите хоть одного указанного родственника?! Сначала потрудитесь предоставлять нормальные списки, а уже потом начинайте скандалить!!!

– Господин дворецкий, во-первых, снизьте тон, а во-вторых, я начинаю сомневаться в вашей компетентности! Как можно, имея такой опыт, не знать, что в подобных списках указываются только главные приглашенные лица, а с ними, как правило, приезжает целый табор в качестве сопровождения.

– Ах, вы сомневаетесь в моей компетентности?! – еще больше разошелся Гальяно. – Тогда увольняйте меня!

Кажется, я только подлила масла в огонь, надо искать другой подход.

– Слишком много чести увольнять вас, – резко сменила тон и сказала это уже совсем спокойным голосом. – Если вы не подготовите комнаты и замок в должный срок, я сделаю доклад его величеству в письменном виде и красочно опишу ваши сомнительные действия, а также извещу его о растрате вами бюджета замка на личные нужды. Господин Саржо с удовольствием подпишет. А это дело, как сами понимаете, подсудное.

Дворецкий притормозил. Открыл рот, закрыл, побледнел. Что-то мне подсказывало, что за ним числятся не только сигары и коньяк. Надо будет еще потрясти на этот счет казна-

чая.

– Ну так что, господин Гальяно, мы будем договариваться или продолжим портить друг другу жизнь?

– Конечно, договоримся! Вы же знаете, что я очень стогорчивый, – неожиданно улыбнулся дворецкий. Быстро же он переключился. – Вы, леди Николетта, не обращайтесь внимания, знаете – характер у меня не сахар.

Надо же, он даже стал похож на человека. Я все еще смотрела на дворецкого с подозрением. Никто не может поручиться, что он снова не начнет пакостить за моей спиной. Пожалуй, придется на время смириться с этим и постоянно быть начеку, чтобы как-то противостоять его вредительству.

Я вздохнула и вышла из кабинета, немного помедлила и вдруг услышала отчетливое: «Дура!» – произнесенное дворецким за дверью. Секунду меня обуревало желание снова ворваться в кабинет и высказать все, что думаю. Но я титаническими усилиями взяла себя в руки и направилась на кухню, обдумывая план мести. Жестоким мести. Первым, что мне бросилось в глаза на кухне, был здоровенный тесак с зубренным лезвием, висевший над одним из столов.

Я тут же кровожадно сняла его со стены. Сзади слышались шаги.

– Это самый большой нож на кухне? – думая, что пришел один из поваров, спросила я.

– Да, но это нож для хлеба и для убийства он не годится. – Надо мной откровенно засмеялись.

Я обернулась и оказалась лицом к лицу с молодым парнем, у которого на физиономии были странные усы и борода, отчего он походил на кухонного полосато-рыжего кота после съеденной плоски сметаны... уж больно самодоволен.

– С чего вы взяли, что замышляется именно убийство? – Я разочарованно повесила нож на его законное место.

– Такое кровожадное выражение лица редко встретишь, – усмехнулся незнакомец и лихо сдвинул свой бархатный берет набок.

– Хорошо, и какой же нож годится для резки мяса?

– Ага, так я и сказал, чтобы вы потом с его помощью решили избавиться от непрошеного свидетеля, то есть от меня!

– Знаете, у вас невыносимо дурацкие борода и усы, сейчас такие не носят, – надулась я.

– А это часть моего неповторимого стиля. – Он подкрутил ус и развязно подмигнул мне.

Я уже собралась было его срезать, но нашу странную беседу прервала появившаяся на пороге кухни Кларина. Кухарка тяжело присела на одну из табуреток и с радостной улыбкой на лице объявила:

– О, я вижу, вы уже познакомились!

– С кем познакомились?... – начала было я, но потом до меня стало доходить. Я с ужасом уставилась на усатого наглеца. – Неужели?!!

– Разрешите представиться, младший лорд Кит, – немедленно стянул с себя берет и поклонился парень. – Сразу до-

гадался, с кем имею дело, леди Николетта.

Я посмотрела на него с подозрением и даже не подала руки. Кларина сияла от гордости за родственника, как только что начищенная кастрюля.

Если так пойдет и дальше, то скоро я стану непревзойденным мастером вздохов от безысходности.

– Ладно, тетя Кларина, все тут ему покажите, введите в курс дела, так сказать. А вы... – я повернулась к новоявленному повару, – приготовьте что-нибудь, пожалуйста, чтобы я смогла оценить ваши кулинарные таланты.

– А если вы их не оцените? – тут же спросил нахал.

– Значит, у меня будет на одну проблему больше.

Несмотря на все проблемы, бывают моменты (и нередко), когда мне хочется сказать кому-нибудь спасибо за этот мир. Я пристроилась в толстой развилке веток высокого дерева; в одной руке румяное яблоко, в другой – интересная книжка. Как я там очутилась? Очень просто – залезла. Да-да, понимаю: лазанье по деревьям не очень подходящее занятие для леди. Но, во-первых, леди я стала не так давно, а во-вторых, откажусь от этого занятия разве что при признаках неумолимо приближающейся старости и острого радикулита. К тому же сейчас с этого дерева открывался такой радующий душу вид, что не любоваться им было выше моих сил. Рабочие бодренько сажали розовые кусты (конечно же под чутким предводительством Митича). Главный садовник

вроде совсем протрезвел и начал устанавливать свою тиранию. Чувствую, что скоро мои обожаемые бездельники застонут под его гнетом.

Я с аппетитом надкусила яблоко и раскрыла книгу. В последнее время так мало выдавалось свободных минуток, что сейчас я испытывала настоящее блаженство. Ветерок тихонько теребил непослушные волосы, солнце еще не село, но уже и не жарило беспощадно. Эта привычка читать на деревьях у меня еще с детства. Помню, как я тайком пробиралась в отцовскую библиотеку, хватала первый понравившийся томик и убегала в сад, где на дереве, под прикрытием листвы, погружалась в чтение. Таким образом оказалось перечитано множество книг, по большей части совершенно не подходящих молодой девушке. Когда отец обнаружил этот возмутительный факт, мое воспитание настолько далеко ушло от общепринятого, что поправить уже было решительно ничего нельзя. Мое поведение и разговоры не вписывались ни в какие деревенские рамки, и отец был вынужден забрать меня в столицу, втайне надеясь, что там причуды будут не так заметны. В принципе он оказался прав: я вписалась. И еще как!

– Никогда бы не подумал, что найду госпожу управляющую в саду на дереве! – Мои мысли были бесцеремонно прерваны этим криком.

Я скосила глаза вниз, и мне захотелось употребить одно из любимых выражений Митича. Под облюбованным мною де-

ревом стоял новый королевский повар и наглыми глазами пялился на меня. И как он только умудрился отыскать мое убежище? Я всегда выбирала скрытные уголки, чтобы меня не было видно. Приглядевшись, заметила, что в одной руке сэр Кит держит вазочку с чем-то приторно-розовым. О нет! Только не это!!!

– Вы знаете, у вас прекрасный цвет панталон – очень идет к вашим глазам. – Нахал и не думал смущаться.

– А у вас отличное чувство такта, правда, такое никому не идет. – Мою издевку невозможно было не заметить. – Зачем это я вам так быстро понадобилась?

– Вы же попросили приготовить что-нибудь на пробу. Вот я и приготовил. – Он с гордостью продемонстрировал мне пышную розовую массу в вазочке. У меня аж скулы свело от ее вида. – Мой фирменный десерт. Только, чтобы его попробовать, придется спуститься с дерева. Бьюсь об заклад, процесс будет занимательный. Как вы вообще умудрились на него залезть во всех этих юбках?

Ну что я могла сказать? Долгие годы тренировок.

– Еще чего, буду я ради вас спускаться. – Да, признаюсь: мой спуск с дерева – зрелище не для слабонервных. Плюс ко всему пробовать эту розовую гадость мне совсем не улыбалось. – Если хотите, чтобы я отведала ваш десерт прямо сейчас, то сообразоволяйте подать мне его сюда.

– Без проблем. – Сэр Кит снял свой нелепый берет, подкрутил рыжеватый ус и, цепляясь за ветки преимущественно

одной рукой, ловко полез на дерево.

Я наблюдала за процессом, приподняв одну бровь. И откуда это в наше время у поваров навыки древесных медведей? Через несколько секунд младший лорд уже сидел на соседней ветке и с видом покорителя горного пика протягивал мне свою стряпню.

Делать нечего, придется это попробовать. Я положила книжку на колени, взяла у него из рук вазочку, зачерпнула маленькой серебряной ложечкой розовую массу и отправила в рот. Бэ-э-э, господи, неужели кому-то может нравиться что-то настолько приторное? Видимо, моя нелюбовь к сладкому живо отразилась на лице, потому что сэр Кит выглядел крайне озабоченно.

– Вам не понравилось?

– Конечно, не понравилось. Так можно и умереть от сахарного отравления. – Я скорее зажевала протестированное блюдо яблоком, которое на фоне десерта показалось кислющим до невозможности.

– Сахарного отравления не бывает, – жалостливым голосом сказал повар.

– У меня бывает. – Я сунула вазочку обратно ему в руки.

– Это значит, что вещи мне можно даже не распаковывать?

– Да нет, почему? Живите. Все эти титулованные бездельники обожают подобную приторную гадость.

Повар просветлел. Я уставилась на него, давая понять, что

жду не дождусь, когда он наконец свалится с моего дерева. Парень намек понял и стал спускаться.

– А вы, леди Николетта, невероятная оптимистка, – уже с земли заявил он.

– Это еще почему?

– Читать феминистические книги в преддверии королевских смотрин, куда со всех концов света свезут женщин, как какой-нибудь дорогостоящий товар...

Я запустила в него недоеденным яблоком, но, к сожалению, не попала – наглец скрылся за кустами шиповника. Теперь еще по его вине и без яблока осталась.

В один прекрасный день случилось непредвиденное событие, которое поставило на уши весь дворец. В мой кабинет ворвался растрепанный лакей и срывающимся голосом объявил:

– Принцесса приехала!

У меня аж перо выпало из руки. Как приехала? Что за принцесса? Еще же рано! Но я мысленно приказала себе не поддаваться панике.

– Дворецкому и церемониймейстеру сообщили?

Лакей смог только покивать. Отлично, надеюсь, эти двое не подведут.

– Тогда веди. Где сейчас эта принцесса?

– Так они сейчас только городские ворота проезжают, к нам из городской стражи прискакали.

– Фуф, напугал. Я уж думала, она стучится в парадную дверь.

Значит, еще немного времени у нас есть.

В коридоре мимо меня с бешеной скоростью пролетел господин Гальяно, чуть не сбил с ног. Старается – молодец. Я направилась к парадному входу – там уже было людно.

Королевская сваха торопливо завязывала парадный чепец под подбородком, министр иностранных дел силился застегнуть на себе пуговицы камзола (судя по цвету его лица, камзол был пошит несколько килограммов тому назад). Я присоединилась к веселенькой компании. Через секунду к нам прибежал сэр Мэлори, лицо чудака светилось здоровым румянцем и неисчерпаемым оптимизмом.

– Какая неожиданность! Какая неожиданность! – на ходу бормотал он. – А если бы мы не были готовы? Но, слава небесам, мы готовы!

– А кто приехал-то? – поинтересовалась я.

– Принцесса Сора, младшая дочь короля Аоона. У них небольшое королевство в пустыне к югу от Грелады – кочевники, – начал объяснять министр иностранных дел.

– Лорд Дансэн, я изучала географию, не стоит так подробно.

– Простите, нервничаю.

Министр наконец изловчился и застегнул-таки пуговицу на камзоле, издав при этом то ли вскрик, то ли вздох. Его фигура мигом приняла форму двух перетянутых веревочкой

колбасок, но долго пробыть в таком дивном подтянутом состоянии ей было не суждено. Или пуговица была пришита не слишком крепко, или нитка не выдержала напора впечатляющей министерской массы, но произошло страшное. Пуговица оторвалась, и, вместо того чтобы мирно упасть на мраморные плиты крыльца, с честью настоящей пули отсвистела прямо в глаз свахе. Что тут началось!

– Леди Карпила, простите, ради бога! Да что ж это такое! – суетился министр, пытаясь непременно наклониться к невысокой свахе и рассмотреть причиненный ущерб.

– Ох, ох! – ужасался церемониймейстер, едва не лишаясь чувств.

– Леди Карпила, – уже в отчаянии взывал виновник, – ну скажите же хоть что-нибудь! Вам больно?

Леди Карпила ко всему произошедшему отнеслась на изумление спокойно: рукой держалась за пострадавший глаз, но никаких звуков не издавала, а лишь удивленно хлопала оставшимся зеркалом.

– Да принесите же льда! – накинулся министр на лакеев.

– Ой, ой, – прижал руки ко рту кругленький сэр Мэлори. Казалось, что именно он больше всех впечатлился происшедшим.

– Вот, возьмите, пока лад к глазу приложите, – протянула я свахе холодную серебряную монетку. – Может, мы гостей и без вас встретим, а, леди Карпила?

Вот тут сваха пришла в себя:

– Ни за что! – Она демонстративно выхватила у меня монетку и приложила к уже начавшему заплывать глазу с таким видом, будто я только что посягнула на ее святую должность. – Так просто вам от меня не избавиться!

– Да я же не в этом смысле! – Попытка оправдаться была тщетной.

– Знаю вас, молодых да незамужних, – проворчала сваха.

В этот момент на парадной дороге к замку появилась процессия... из белых верблюдов. Наша компания резко замолчала и во все глаза уставилась на гостей, сэра Мэлори и вовсе стоял с открытым ртом. Мне удалось опомниться первой, так как в моем мозгу вдруг всплыла страшная мысль.

– Как мы будем размещать все это стадо? – пробормотала я растерянно и тут же повернулась к лакею. – Найди старшего конюха и приведи сюда, быстро.

Старшего конюха искать не понадобилось, потому что он с несколькими своими подчиненными, как оказалось, уже давно ошивался около парадного входа. Этот трогательный квартет с трепетом ожидал сабакское посольство, потому что сабакские скакуны считались лучшими в мире. Появление каравана белых верблюдов нанесло такой мощный удар по психике конюхов, что я еще минут пять не могла добиться от них, есть ли у нас место для этих чудных животных и знают ли они, конюхи, как с ними обращаться.

– Ну... того... маленький загончик мы им найдем. Него же с лошадьми держать-то, – наконец получила я ответ и

вздохнула с облегчением. Главный конюх человек хоть и со странностями (к которым, в частности, можно отнести излишнее верноподданническое рвение и титулопоклонство), но думаю, что животных не уморит. Поэтому, когда караван приблизился ко дворцу, проблема если и не была решена, то точно прикрыта.

Церемониймейстер не без некоторой дрожи в коленях выдвинулся вперед, готовясь исполнить возложенную на него должностью роль. Министр иностранных дел нервно теребил руками дырку на камзоле, оставленную отлетевшей пуговицей, и безуспешно пытался втянуть живот. Сваха светила радужной улыбкой и уже налившимся фингалом под глазом. Нет, все-таки зря я беспокоилась, что репутация Грелады пострадает из-за излишне запущенного парка перед дворцом...

Верблюды шли величественно и с флегматичным удивлением поглядывали на окружающую их растительность, на дворец и на нашу пеструю компанию, высыпавшую их встречать. Представители королевства Сабаку были разодеты в ярчайшие шелка и тонкие газовые ткани. Вряд ли, конечно, они провели в них свое долгое путешествие, но въехать во дворец со всей возможной пышностью для них было делом чести. Все загорелые, некоторые прямо до какой-то невероятной черноты, со слегка раскосыми теплыми глазами, сухие и поджарые, словно прокаленные солнцем, но при этом абсолютно все светловолосые. Такое впечатление, будто волосы выгорели на солнце.

Всадник, который ехал во главе процессии, был высоким и хорошо сложенным молодым мужчиной. Он легко даже не спрыгнул, а соскользнул со своего верблюда и, подойдя ко второму, на котором было закреплено что-то вроде узенького легкого шатра, помог вылезти из него и спешиться маленькой девочке лет десяти, не больше. Пока остальные кочевники спешивались самостоятельно, мужчина и девочка подошли к нам.

– Принцесса Сора, младшая дочь короля Аоона, повелителя пустынных земель Сабаку! – торжественным голосом провозгласил сэр Мэлори. – А также племянник короля Аоона высокородный ярл Амеон.

Племянник был представлен менее торжественным голосом: что-что, а положение церемониймейстер всегда подчеркивал ловко и тонко, даже когда в этом не было особой нужды. Пока он представлял гостям нас, начиная с сэра Дансэна как старшего лорда и кончая мной как самой низкой по положению, я удивленно и непонимающе разглядывала принцессу Сору. Ну ребенок ребенком! Какого лешего они ее вообще сюда притащили? Я ведь знала, что у короля Сабаку была тьма-тьмущая детей, одних только дочерей аж четырнадцать штук! Почему же сейчас перед нами стояла эта миниатюрная девочка с длинными, слегка выющимися, почти белыми волосами и странными, будто бы флуоресцентными глазами? Наверное, на моем лице слишком откровенно выразились все эти мысли, потому что сваха довольно грубо

толкнула меня локтем в бок и прошипела:

– Сделай лицо попроще, у них девушки вступают в брачный возраст с двенадцати лет. Нам оказали большую честь.

Я столь же бесцеремонно отпихнула сваху на ее место и натянула на лицо парадную улыбку. Ладно, раз так нужно, мы будем встречать их с радостью и принимать любезно. Но как-то все же пахивало от этого тщательно завуалированным лицемерием, ведь все знали, что этой царственной девчушке в разноцветных шароварах никогда не стать женой короля.

Под предводительством сэра Мэлори мы вместе с гостями прошли в холл, чтобы не стоять под палящим солнцем. За принцессой смешно семенила маленькая белая собачка с удивительно уродливой мордочкой. И где они только такую взяли? Впрочем, кочевникам можно было удивляться до бесконечности. В холле я заметила какое-то едва уловимое движение за поворотом примыкавшего к нему коридора. Ничего странного: слугам конечно же было любопытно посмотреть на первую приехавшую принцессу.

Каково же было мое удивление, когда, пройдя за процессией гостей немного вглубь холла, я увидела, что в коридоре прячется отнюдь не прислуга, а его величество собственной персоной. О боже! Этот монарх меня в гроб вгонит! Он что, не смог придумать другого способа удовлетворить свое любопытство? А ярко-алый камзол конечно же самая подходящая одежда, чтобы стать незаметным на фоне бледно-голу-

бых стен!

Как я и опасалась, его величество погорел на своем любопытстве. Случайно заметив выглядывавшего из-за угла монарха, принцесса Сора взвизгнула от восторга, со всей быстротой своих маленьких ножек кинулась к королю и вцепилась обеими руками в его ногу, едва не повиснув на штанине, как обезьянка. Девочка не доставала Ратмиру II даже до пояса, но глядела на него с явным обожанием.

– Ты будешь моим мужем? – детским голоском спросила она и широко раскрыла голубые глаза.

Повисла театральная пауза – все были в ужасе. Сэр Мэлори пришел в ужас, так как только что на его глазах жестоким образом нарушили протокол, по которому принцесса и король должны были быть представлены друг другу только на первом приеме в честь смотрин. Леди Карпила пришла в ужас, потому что по ее консервативному мнению девушка (пусть это всего лишь ребенок), а уж тем более принцесса, не должна была вести себя подобным образом. Лорд Дансэн пришел в ужас, потому что от того, что сейчас ответит король, могли зависеть дальнейшие политические и экономические отношения с Сабаку. Король же просто растерялся от многоаспектности ситуации. Все вышеперечисленные причины перемешались в его голове, да к тому же добавилось и то соображение, что его довольно унижительно застукали за подглядыванием, поэтому он никак не мог разобраться, от чего же он в ужасе больше всего.

Кочевники сохраняли молчаливое спокойствие, ни один из них не сделал даже движения, чтобы исправить ситуацию, будто так и надо было.

– Ты такой красивый! – продолжала восхищаться принцесса, рассматривая снизу вверх монарха и с детской непосредственностью не замечая, что последнего уже выморозило до состояния ледяной скульптуры.

– Сделайте же что-нибудь, – требовательно прошептала я, придвинувшись к ярлу Амеону.

– Она принцесса, – и не думая расставаться со своей невозмутимостью, ответил кочевник. – Я ничего не могу сделать.

Ой, чувствую, натерпимся мы еще бед с этой девчонкой, которой слова никто поперек сказать не может. От безвыходности ситуации мне оставалось только решительно подхватить с пола белую, ничего не подозревавшую шавку и поднять ее до уровня глаз на вытянутых руках.

– А что это за зверь такой странный? – громко и театрально произнесла я.

Эффект от моих манипуляций не замедлил последовать, но несколько не такой, как я ожидала. Естественно, все, включая короля и принцессу, сразу же с удивлением посмотрели на меня. Но в этот момент учудила собачонка: то ли она боялась высоты, то ли терпеть не могла, когда ее хватали чужие странные тетки, но животное попыталось вывернуться у меня из рук. Убедившись, что я держу крепко и отпускать

ее вовсе не собираюсь, собака пошла на отчаянные меры и тяпнула меня за руку. Я конечно же выронила ее, разжав руки не столько от боли, сколько инстинктивно. Пси́на победоносно тьякнула и по каким-то своим собачьим соображениям выбежала из дворца.

– Что ты наделала, дура криволапая! – взвизгнула принцесска и моментально отцепилась от короля, будто забыв про его существование.

Пока я стояла и моргала от удивления, она пронеслась мимо меня маленьким ураганом и выбежала в парк за своей питомицей. Кочевники с невозмутимым и каким-то обреченным выражением лица медленно и неторопливо последовали за ней, но не успели они еще добраться до дверей, как руками всплеснула сваха:

– Да что ж это делается! – Она воинственно подобрала свои пышные юбки и приготовилась к немедленному старту за первой подопечной. – Я вам это еще припомню.

Да пожалуйста! Жаль, ничего ответить ей так и не успела, уж слишком шустро сваха прошелестела мимо меня.

– Это вы ловко, – похвалил меня лорд Дансэн и заторопился к выходу. – Сэр Мэлори, за мной!

Когда вся честная компания оказалась снаружи, я вздохнула с облегчением. И тут только обратила внимание, что король так и остался совсем нецарственно переминаясь на месте. Эх, горе несуразное, это же надо было так умудриться сесть в лужу. А впрочем, ну его, пускай теперь со своими

министрами сам расхлебывает.

– С вашего позволения. – Я присела в реверансе, а затем пошла прочь, не оглядываясь, чтобы не смущать его величество еще больше.

Ближе к вечеру в королевском парке наконец стихли пронзительные крики принцессы Соры, причитания свахи, улюлюканье кочевников и лай загнанной в угол и выловленной псины. Кочевников водворили в предназначавшиеся им покои, и в парке воцарились мир и тишина.

Но не прошло и получаса, как окрестности сотряс нечеловеческий рев. У меня аж сердце подпрыгнуло от предчувствия беды. Видимо, сердце подпрыгнуло не только у меня, потому что на звук я бежала в сопровождении нескольких стражников и более многочисленных любопытствующих. Вообще, с какой стати я должна как бешеная коза носиться среди зарослей только потому, что кому-то вдруг понадобилось продрать глотку? Но, с другой стороны, любопытно же! Меня настолько достали инспекция замка, подсчет всех возможных мелочей и огромных денег, которые необходимы на эти мелочи. Достали обсуждение плана мероприятий, просмотр списка гостей и прочие абсолютно угнетающие заботы, что просто необходимо было отвлечься.

И отвлечься было чем. Начнем с того, что орали двое: человеческая составляющая, олицетворение порядка в природе – Митич, и животная составляющая, несущая хаос, – бе-

лый верблюд. Второй покушался на свежесаживаемые розы, первый пытался оттащить это – цитирую: «порождение демонов преисподней», от оных.

Как ни упирался Митич в белые кудрявые бока, как ни тянул за хвост, животное невозмутимо продолжало стоять и жевать ближайший куст. Уже только на моих глазах главный садовник получил пару раз копытом в живот, но то ли пивное брюхо хорошо глушило удар, то ли угроза розарию напрочь отбивала у него все инстинкты самосохранения – Митич и не думал уступать в этой неравной борьбе.

Стражники сориентировались довольно быстро и поспешили на выручку садовнику. Впрочем, даже их помощь не возымела должного действия: невозмутимость белой зверюги была практически непоколебима. Верблюд периодически благословлял собравшихся в его честь очень меткими плевками, так что количество желающих помочь резко уменьшалось, зато увеличивалось количество желающих на все это посмотреть. Я благоразумно отошла подальше и взяла за рукав одного из любопытных лакеев.

– Приведи сюда кого-нибудь из кочевников, лучше побыстрее, – с нажимом сказала я, чтобы у парня не было даже мысли не подчиниться.

Лакей шустро взбежал по лестнице восточного крыла.

Тем временем меня терзали смутные подозрения: я допускала, что верблюд каким-то таинственным образом мог сбежать из загона, но извините, от конюшен до розария путь

неблизкий и извилистый. Что-то слабо верилось, что животное прошла насквозь полпарка, не соблазнившись никакой другой растительностью. Может, конечно, кто-то из кочевников сам привел сюда верблюда (на выпас, так сказать), мало ли что творится в их дикарских головах.

Корабль пустыни был последователен: он дожевал один куст и переключился на следующий. Видимо достигнув вершины отчаяния, Митич перестал упираться в верблюда и вместо этого повернулся к одному из стражников.

– Давайте тогда его зарубим! – Садовник с энтузиазмом схватился за алебарду, висевшую у стражника на спине.

Мне стало резко нехорошо. Как мы потом будем объяснять разрубленную тушу верблюда? К счастью, стражник попался не без мозгов: он бросил верблюда и стал отбиваться уже от садовника, маниакальный блеск в глазах которого говорил о том, что ситуация явно выходит из-под контроля.

Над моим ухом раздался резкий переливчатый свист. Верблюд оторвался от роз и высоко поднял морду, я вздрогнула и тоже обернулась. Лакей привел одного из кочевников... Ярла Амеона – племянника короля Сабаку. Отлично. Знаете, если бы у управляющего имелось право казнить людей, то бестолковых кадров у нас было бы меньше, а те, что остались, сто раз думали бы прежде, чем что-то делать. Когда я говорила «кого-нибудь из кочевников», я имела в виду слуг, а не члена королевской семьи. Может, слинять пока потихоньку и притвориться, что ничего об этом не знаю?

Но поскольку стояла я всего в нескольких шагах от ярла, раствориться в толпе не было возможности, да и половина дворцовой прислуги уже видела меня на месте «преступления». Амеон свистнул еще несколько раз, и, к удивлению всех присутствующих, верблюд, раскидав висевших на нем стражников, садовников и конюхов, наступив попутно на ногу Митичу, потрусил по направлению к кочевнику. Я поспешила убратся с пути животного и шмыгнула за ближайшее дерево. Верблюд добежал до ярла и ткнулся ему в руку белой курчавой мордой.

Либо я сейчас возьму ситуацию в свои руки, либо к тому времени, когда слухи об этом происшествии дойдут до ушей короля, меня можно будет преспокойно обвинить в преступной халатности. Я вылезла из-за дерева, а ради большей политкорректности пришлось даже приблизиться к верблюду на расстояние, которое превосходило мое чувство самосохранения.

– Высокородный ярл Амеон. – Кажется, именно так надо обращаться к кочевникам королевского рода, если мне не изменяет знание политеса. – Я очень сожалею о сложившейся ситуации. Наши конюхи не уделили должного внимания вашим верблюдам, и я могу оправдаться только лишь тем, что мы никогда не видели, а уже тем более не имели дела с этими достойными животными.

Не переборщила ли я с подобострастностью? Честно говоря, от такого обращения к собственной персоне меня бы

стошнило, но эти королевские особы совсем другое дело.

– Нет, ну что вы, я прекрасно понимаю, что с нашими верблюдами не так-то легко справиться, не имея навыков, – ответил ярл с легким акцентом.

Я моргнула. Так, срочно перестраиваемся. По-видимому, тут больше подойдет простое, но вежливое общение.

– Ярл Амеон, а не могли бы вы послать кого-нибудь из своих сопровождающих, чтобы они немного обучили наших конюхов. Тогда, надеюсь, больше таких проблем не возникнет.

– Непременно, простите, что сразу об этом не подумал. Также приношу свои извинения, что мы нанесли урон вашему прекрасному саду.

– Ну что вы, не такой уж он и прекрасный, – покраснела я, заметив под ближайшим кустом блестящие бусинки глазок крысолака.

– Мой дом – пустыня, для меня любой сад прекрасен, – улыбнулся ярл, к счастью не проследив за моим пристальным взглядом.

Ну, раз уж мы перешли на более личные темы, то, наверное, можно считать инцидент исчерпанным. Только все же надо сделать себе зарубку на память о травле крысолаков.

– Позвольте мне проводить вас до конюшен, посмотрите, как устроен ваш караван. Возможно, надо будет отдать какие-то дополнительные распоряжения, – предложила я, уже заранее предвкушая приятную прогулку.

Нет, а что? Вы вообще когда-нибудь видели кочевников королевского рода? Если бы видели, то поняли бы: таких сапфировых глаз у людей не бывает. Этот оттенок передается по наследству в королевской династии Сабаку уже несколько столетий, и, не дай бог, какая-нибудь из королевских жен родит ребенка с карими, как у всех простолюдинов, глазами, это будет означать смерть и для ребенка и для матери. Это я вычитала в разделе «занимательные факты» учебника географии за шестой класс (собственно, кроме занимательных частей, я там ничего и не читала). Так что дайте мне потешить свою девичью душу – не все же королю масленица.

На кухне царил хаос. Еще бы, на гостей здесь не рассчитывали, а внезапное появление толпы прожорливых кочевников, для которых надо приготовить ужин, к невозмутимости не располагало. Посреди кухни на стуле с высокой спинкой, обхватив круглый живот руками, сидела главная повариха и бодрым голосом раздавала указания. Как главнокомандующий армии, она то пускала свои войска в наступление на свиную тушу, то приказывала провести операцию по спасению пирогов, слишком долго пробывших в печи, а то вдруг отправляла проштрафившихся поваров на чистку картошки.

Как ни странно, в такой обстановке не работали только двое: я, но у меня было оправдание, поскольку пришла лишь проверить степень готовности ужина, и племянник поварихи – сэр Кит, у которого, естественно, оправданий не было.

Нахал покачивался на моей любимой трехногой табуретке и периодически запускал палец в мисочку со сладкими сливками. Я бесшумно подошла к нему сзади, что сделать в такой суматохе было нетрудно, и ненавязчиво обратила на себя внимание:

– Кхм, кхм.

Рыжий лентяй даже не вздрогнул. Медленно, как бы нехотя он повернулся и посмотрел на меня. Видимо, ничего интересного не увидел, потому что лишь пробормотал в испачканные сливками рыжие усы:

– Добрый вечер, госпожа управляющая. Ну и суматоха тут сегодня.

– Вот я и подошла узнать, почему вы в этой суматохе не принимаете участия, – отставила миску со сливками подальше, пока он снова не успел запустить туда свою руку.

На лице горе-повара возникло обиженное выражение, и он по-деревенски вытер усы рукавом.

– Мой трудовой контракт начинается только с завтрашнего дня, а раз нет оплаты, то и нахожусь я здесь только с целью обучения и чтобы сделать приятное вам. Так что не стоит благодарностей. – Сэр Кит бесцеремонно перетянул миску со сливками обратно к себе.

– Не дождетесь. Могли бы и помочь, хотя бы с целью обучения. – Я снова отодвинула от него посудину. Раз его работа еще не начата, то формально он не имеет права кормиться на королевской кухне. Хоть в этом, да досажу.

Ох уж этот скряга Саржо! Подписал контракт с новым поваром тем днем, когда только Кларина уйдет в декрет. Как ни жалко признавать, но этот усатый имеет полное право бездельничать.

– Мисочку-то отдайте, вы же все равно сладкого не любите, – заискивающе протянул повар.

Не успела я ответить, как на улице раздались возбужденные крики и через черную дверь кухни вбежал мальчишка, до этого затаскивавший из сада в подсобку мешки с яблоками.

– Вы только посмотрите, что там дееется! – радостно заверещал сорванец. – Там эти, белые и горбатые, по саду ходют!!

Я нисколько не разделяла его радости и поэтому, бросив так и неподделенную миску обратно на стол, выскочила вслед за мальчишкой в сад.

На этот раз «белых и горбатых» было аж две штуки, да к тому же они стратегически зашли с разных сторон розария. Неизменной осталась лишь их тяга к поглощению драгоценных кустов. Если Митич увидит такую картину, у него будет разрыв сердца: мы и в первый-то раз с трудом его успокоили.

– А что, госпожа управляющая не собирается отгонять верблюдов от роз? – насмешливо спросил сэр Кит, невесть откуда появившийся рядом со мной все с той же проклятой миской сливок в руках.

– А вы конечно же не поможете мне и не сходите за коню-

хами? – огрызнулась я.

– Как можно. – Он ухмыльнулся в рыжие усы. – Такой поступок был бы вызван состраданием к вам, а у нас должны быть чисто профессиональные отношения, как у начальника и подчиненного.

Я тоже ухмыльнулась и, легонько подтолкнув его под локоть, заставила вылить все сливки себе на камзол.

– Ох, простите! Вам придется смириться с тем, что у вас очень неловкий начальник.

К счастью, в этот момент конюхи появились сами, и я могла полностью игнорировать сердито сопящего и оттирающего одежду листом лопуха повара. Но счастье было недолгим. Кучка конюхов жалась к стволу выдавшего виды дуба, не приближаясь к верблюдам даже на пять шагов. Что делают эти идиоты? Я же лично видела, как ярл Амеон учил их правильно свистеть, чтобы позвать верблюда. И эти умники кивали, говорили, что понимают, и даже вроде бы вполне сносно посвистывали. Видимо, всеобщее внимание их смущало.

Я подошла к главному конюху (помню, что спрашивала, как его зовут, но не помню, что мне ответили).

– Вы собираетесь уводить отсюда верблюдов или нет?

– Госпожа управляющая, очень сожалею о происшедшем. Соболаговолите дать нам несколько минут на подготовку, – настолько испуганно пролепетал тот, что у меня сразу пропало все желание на них давить. Да и потом, когда передо

мною столь откровенно лебезят, я теряюсь. Будем только надеяться, что для того, чтобы настроиться, не нужен час медитации.

Господин Ксавье (ага, вспомнила-таки его имя) забавно сложил губы трубочкой и нестройно засвистел, но настолько тихо, что я едва услышала – куда там верблюдам. Остальные конюхи последовали его примеру, звуковая какофония несколько не впечатлила животных.

– Господи, всего несколько часов назад у вас отлично получалось. – Я потерла пальцами виски. Второго за один день обращения к кочевникам моя гордость не вынесет. Зря из-за ложной скромности сама не попробовала посвистеть. Так нет же, мы леди! А леди, извините, не свистят, по крайней мере в присутствии публики.

– Вам что, всего-то посвистеть, что ли? Что ж вы тогда тут сюни пускаете? – Это подошел вездесущий сэр Кит, я начинала подозревать, что он появился тут мне в наказание. – Смотрите, как надо.

Он положил два пальца в рот и засвистел, громко, переливчато, по-бандитски, – у меня аж уши заложило. Верблюды встрепенулись так, будто их внезапно огрели метлой. Подняв хвосты трубой, два злополучных зверя со скоростью хороших рысаков скрылись в глубине сада.

– Прекрасно! – Я многозначительно посмотрела на горе-свистуна. Ни тени раскаяния на рыжеусой физиономии, только плохо скрываемый смех.

Среди конюхов и уже подоспевшей стражи повисла трагическая тишина.

– Ну, что стоите? Отлавливать их кто будет? – прикрикнула я, и только тогда народ, сдвинувшись с места, пустился в погоню. – А вы, господин Ксавье, пойдете со мной! – Я схватила за рукав главного конюха, пока он не успел убежать вслед за своими подчиненными.

Гоняться за верблюдами дело неблагодарное, да и для меня совершенно необязательное, поскольку розы в безопасности, а если звери зажуют в парке еще какую растительность, вреда от того не будет, потому как растительности здесь избыток. Да рано или поздно верблюдов поймают и без моего чуткого руководства. Сейчас важнее совсем другое: каким образом наши караваны пустыни оказываются на воле, да еще так далеко от конюшен?

– Хочу осмотреть загон, который вы определили для верблюдов, – сказала я конюху.

– О, конечно, леди Николетта. С вашей стороны будет очень предусмотрительно и великодушно проверить работу подчиненных, – начал кланяться Ксавье, при этом пытаюсь пятиться спиной в нужном направлении и одновременно показывать мне дорогу. – Идемте-идемте. Осторожнее, тут корешок.

У меня скулы свело от его подобострастия, но я стоически молчала, чтобы не вызвать волну очередного поклонения собственной персоне. От розария до загона идти при-

шло более пяти минут, причем необходимо было обогнуть восточное крыло замка. Путь неблизкий, да еще с такими спутниками.

– Сэр Кит, вам что, делать нечего? С какого перепуга вы вдруг увязались за нами? – раздраженно спросила я, когда поняла, что повар решил не возвращаться на кухню.

– Действительно нечего. А с вами рядом, похоже, всегда интересно. Словно аттракцион в парке развлечений.

– Могли бы хотя бы не дерзить.

– Если вам угодно, я тоже умею лебезить и кланяться, а еще отменно целую пятки.

Нахал покосился на мои туфли, которые стали видны, потому что я все время была вынуждена приподнимать подол платья, чтобы перешагнуть через корни деревьев. Угодливость угодливостью, но к загону конюх шел практически напролом, нисколько не заботясь, как я преодолею этот путь в своих длинных юбках.

Загон оказался сколочен добротнo, ворота открывались с трудом, а конструкция задвижки не оставляла сомнений: ее можно было открыть только человеческими руками. Либо верблюды научились летать, либо у нас появился вредитель. Что вероятней? Стадо верблюдов с выражением безмолвных мучеников смотрело на меня из-за брусев забора.

– Как изволит видеть госпожа управляющая, с загонem все в порядке, уж я по вашему приказу расстарался. Не могли

они сами вылезти, – озвучил очевидную истину конюх.

– Ага, а еще потом за собой щеколду закрыть, – хмыкнул сэр Кит.

– Леди Николетта, на вас одну лишь уповаю, – тоном заувывной молитвы начал Ксавье. – Покорнейше прошу представить сюда стражника, пусть отгоняет татей.

Я постаралась не обращать внимания на его верноподданные эпитеты.

– Нет, никакой охраны.

– Но как же?! – востепенулся конюх, видимо считавший, что если передо мной хорошо прогнуться, то можно получить все что угодно.

– А так, будем следить, а не охранять.

Я решительно зашагала к караульной, где, скорее всего, сейчас находился начальник дворцовой стражи. Конюх подобострастно посеменял за мной. Сэр Кит присвистнул, чем изрядно взбудоражил верблюдов, но опять же от нас не отстал. Долго это будет продолжаться?

Честно говоря, до этого самого знаменательного момента в караульной мне бывать не приходилось, поэтому сказать, что я была поражена, значило бы не сказать ничего. Старое кирпичное здание, явно вот уже несколько десятков лет жаждающее капитального ремонта, стояло практически около самых дворцовых ворот. Снаружи все вроде бы было как положено: стражники с алебардами, развод караулов, тренировочная площадка, а вот внутри... Если бы мне не сказа-

ли, что это кабинет начальника стражи, я была бы в непоколебимой уверенности, что нахожусь в комнате какой-нибудь старушки – божьего одуванчика с несколько нестарушечьим оружейным хобби. Веселенькие занавесочки на зарешеченных окнах, каждая поверхность в помещении покрыта если не скатертью, то обязательно вязаной кружевной салфеточкой. На салфеточках тут и там лежало любовно начищенное холодное оружие. При нашем появлении начальник стражи торопливо вскочил с мягкого кресла и спрятал за спину нечто подозрительно похожее на спицы и моток пряжи.

– Леди Николетта, чем обязан? – Вояка был еще нестар, отлично сложен, подтянут, обветрен – все как полагалось. Но при этом, словно игрушечного солдатика, его совершенно невозможно было представить на реальном поле боя.

– Добрый вечер, сэра Картос. – Я присела в церемонном реверансе. – Вы наверняка знаете, что у нас сегодня небольшие проблемы с верблюдами.

Начальник стражи искренне расхохотался:

– Да уж, наслышан.

– Я уверена, что кто-то специально выпускает животных.

Поэтому хотелось бы узнать кто.

– То есть вы хотите, чтобы я этим занялся.

– Прошу вас лишь найти достаточно сообразительного стражника, чтобы он смог некоторое время незаметно последить за загоном и поймать злоумышленника.

– Я, кажется, знаю такого, – хитро улыбнулся сэр Картос и, забывшись, вынул руку из-за спины и почесал спицей висок.

При мысли о том, что начальник королевской стражи собственной персоной будет выслеживать верблюжьего вредителя, мне почему-то становилось не по себе. Так и вижу этого атлета лежащим в парадном мундире под кустом около загона. Но поняла я, почему меня так беспокоило это видение, только когда при входе в замок меня атаковал вездесущий сэр Мэлори.

– Леди Николетта, почему вы еще не переоделись? – Он настолько внезапно выскочил из-за ближайшей колонны, что я чуть не начала заикаться.

– Для чего?

И почему всем так не нравится мой гардероб?

– Ну как же! Вы просто обязаны присутствовать на ужине с посольством Сабаку! Лорд Дансэн и леди Карпила – оба такие зануды, одному мне нипочем не вытянуть нормальной беседы. Я просто погибну. – Сэр Мэлори скорчил несчастную бульдожью мордочку.

И вот тут стало ясно, почему мне не нравилась мысль о сэре Картосе, лежащем в засаде. Я просто-напросто ему завидовала. Ему не надо было быть на скучном приеме, он мог развлекаться поимкой вредителя. Кстати, а что мешало мне заниматься тем же самым?

– Сэр Мэлори, – я сделала страшные глаза, – скажу это

только вам и строго по секрету. У нас возникли некоторые неприятности с верблюдами посольства, поэтому для меня сейчас на первом месте решение именно этой проблемы, иначе может случиться скандал.

Ха! Я откручусь от скучнейшего ужина и преотличнейше развлекусь сегодня вечером.

– О боже! Я и подумать не мог! – всплеснул руками церемониймейстер, всегда воспринимавший все близко к сердцу. – Ну тогда не буду вас задерживать и постараюсь сделать все, что от меня зависит, чтобы никто не заметил вашего отсутствия на ужине.

Я церемонно присела, а затем развернулась и вихрем слетела вниз по лестнице, уже не пряча улыбки. Сейчас надо переодеться во что-нибудь, чего не жалко, и вперед!

Интересно, где залег сэр Картос? В парке было уже темно хоть глаз выколи, а под ногами метались какие-то юркие зверьки. Я аккуратно кралась через кусты к загону во взятых у отца штанах и сапогах. При мысли о комичности происходящего хотелось, как девчонке, хихикать в кулачок.

– Прекратите пыхтеть, вас слышно на весь сад. – Из-за ближайшего дерева раздался хорошо знакомый голос, обладателю которого я с удовольствием повыдергала бы рыжие усы.

– Сэр Кит, какого лешего вы здесь делаете? – прошипела я.

– Того же лешего, что и вы.

– Вы же сказали, что не работаете даром.

– Это я поваром даром не работаю, а сторожем верблюдов

– всегда пожалуйста, – противненько захихикал голос.

– Заткнитесь оба! – не выдержал бдивший где-то неподалеку сэр Картос. – Простите, леди Николетта, сорвалось. Но вам здесь совсем не место.

– Я тихонечко тут, за деревом, посижу, никому мешать не буду. – Прикидываться смирной овечкой мне всегда удавалось с блеском.

Обидно, конечно, что присутствием повара начальник стражи нисколько не возмущался.

– Как же, не будете! – едва слышно прошептал сэр Кит. – Заставь женщину молчать.

– Я не глухая. – Мой ответ сопровождался попытками нащупать на земле какую-нибудь веточку или камешек, чтобы запустить в то место, откуда на меня поблескивали глаза нахала.

– Я в курсе.

– Тш-ш-ш, – зашипел сэр Картос. – Кажется, этот гад появился.

Я присмотрелась. Верблюды в темноте светились, словно призраки. А в пустыне они бы не были так заметны, потому что песок там тоже белый. Вроде никого.

Хотя нет, подождите. Мимо загона кралась темная тень... Очень знакомая тень – эту замечательную кожаную жилетку

не забуду никогда. Я тихонько засмеялась, и на меня снова зашикали из кустов мои коллеги.

Понятия не имею, как зовут этого садовника в жилетке, но мозг у него работает достаточно своеобразно и изощренно. Наверняка ему не понравился обновленный образ главного садовника: Митич гонял своих подчиненных с рассвета до самых сумерек, пытаясь за неделю переделать всю ту работу, которую он старательно игнорировал предшествующую пару лет. Не сомневаюсь, что и до этого предпринимались попытки подпоить главного садовника, но, видимо, тот отказывался, потому как теперь пить у него не было причины. И поэтому наш голопузый гений решил эту причину создать с помощью так удачно подвернувшихся верблюдов. Правда, его смекалки хватило только на то, чтобы собственноручно не выкапывать кусты.

Тем временем садовник, немного поозиравшись для успокоения души, стал открывать щеколду. Не хватало нам еще в третий раз за сегодняшний день отлавливать верблюдов.

– Сэр Картос, не дайте ему, пожалуйста, выпустить животных. Думаю, все уже и так понятно. – Я подала голос, уже нисколько не заботясь о том, чтобы сохранять тишину.

Начальник стражи не ответил, но кусты с его стороны зашуршали.

В дальнейшем останется только определить наказание. Ну в самом деле, не увольнять же такой изобретательный кадр. Я кровожадно потеряла руки.

Глава 3

Борьба с паразитами подручными способами

– Милая леди, а вы абсолютно уверены, что так уж необходимо травить крысолоков? – Профессор Хлеб смотрел на меня сквозь толстые линзы круглых очков, отчего его голова напоминала некоего гигантского ракообразного. Мы торжественно стояли над одной из многочисленных нор, вырытых прямо около парадного входа во дворец.

– А что мне еще остается? По всему парку развелись, спасения от них нет, – посетовала я, как заправская кумушка. – Травить быстрее всего, ведь через несколько дней их тут уже быть не должно.

– Не думаю, что вам понравятся дохлые крысолокские тушки, разбросанные по всему парку. – Профессор трагически протер свою розовую от летнего солнца лысину в обрамлении пушка седых волос. – Знаете ли, эти твари имеют дурную привычку при смерти выбрасываться из нор.

Я категорически замотала головой, представив себе усеянные трупами дорожки, – впечатления у иностранных гостей будут неизгладимыми. Профессор с достоинством почтенного ученого протирал линзы своих очков батистовой тряпочкой и, кажется, вовсе забыл о моем существовании.

Ну почему травлей королевских крысолоков должен заниматься не меньше чем профессор зоологии местной академии? Это полное безумие! Мне бы было куда проще общаться с обычным работягой, но против традиций трудно выступать.

– А нельзя ли найти какое-нибудь другое средство? – заискивающе пролепетала я, изобразив гримасу «благородная дама в беде». Между прочим, иногда срабатывает.

Старичок-профессор слегка смягчился (видимо, «благородная дама в беде» была довольно убедительной):

– Ну а как же! Думаете, случайно я профессор зоологии вот уже более тридцати лет? – Он водрузил очки обратно на нос. – Есть у меня одно изобретение, которое помогает избавиться от крысолоков, правда, при этом оставляет их в живых.

– И это устройство кто-то уже использовал на практике? – подозрительно спросила я, чем явно не прибавила себе баллов.

– За кого вы меня принимаете? – Его брови изумленно подпрыгнули. – Впрочем, если сомневаетесь, то вполне можете нанять какого-нибудь уличного шарлатана. Наверняка он сделает эту работу лучше университетского профессора.

Я задумалась, чем привела его в еще большее раздражение. Ну правда: какая-то пигалица осмеливается сомневаться в его знаниях! Молодые люди моего возраста должны в аудиториях, раскрыв рты, слушать, что он вещает с кафед-

ры. Никто же не сказал ему, что я сомневаюсь во всем и вся. Значит, снова возвращаем на лицо «благородную даму в беде».

– Простите, если обидела вас своим недоверием, но на меня в последнее время свалилось столько ответственности. – Я картинно заломила руки.

– Ладно, ладно, только не плачьте. – Профессор ободряюще похлопал меня по руке. Вовремя, ибо я уже всерьез собиралась пустить слезу. – Избавимся мы от ваших крысолаков, духу их в парке больше не будет.

Мы еще некоторое время пообменивались заверениями во взаимном восхищении, после чего разошлись в разные стороны: профессор – травить крысолаков, а я – продолжать свою ежедневную инспекцию.

Данная инспекция каждый раз давала удивительные результаты: вчера в саду, например, наткнулась на кучку заботливо расставленных капканов. Вероятнее всего капканы эти предназначались для пресловутых крысолаков, пусть им икается, но это вовсе не значит, что туда не может попасть кто-нибудь другой. Я, например, оставила в одном из них изрядный кус материи своего платья и была несказанно рада, что отделалась так легко. В замке и вовсе после того как заглянула в одну из комнат, из-за двери на меня выпал скелет. Я орала как сумасшедшая, переполошив половину прислуги, пока до меня не дошло, что это чулан, а выпала на меня всего-навсего модель скелета человека, которую исполь-

зовали для уроков анатомии, когда нынешний монарх был еще долговязым подростком. Скелет по моей исключительной просьбе мы презентовали школе при Королевской медицинской академии во избежание повторения подобных казусов.

Около ограды парка мне пришлось остановиться: по ту сторону слышались странные звуки и непонятное бормотание. Я подобрала подол платья и тихонько, на цыпочках, приблизилась к стене – теперь все было слышно достаточно отчетливо.

– Полегче, папенька, все юбки помнете. Чай не мешок картошки поднимаете, – раздраженно сказал девичий басок.

– Не учи жить, Малашка. Меньше плюшек за обедом жрать надо было, сейчас бы уже на той стороне была, – урезонил мужской голос.

– А вы еще и плюшки считать будете? Родному дитяте кусок хлеба жалеете. – Малашкин ответ закончился подвыванием.

– Не слушай старого дурня, доча, – раздался второй женский голос, – ты лучше ручками за зубцы цепляйся, а мы уж подтолкнем.

– Подтолкнешь ее, как же! Вон кака кобыла вымахала!

– Помолчите, папаша. Посмотрим, как заговорите, когда я королевой сделаюсь.

Мне стало невыносимо любопытно посмотреть на этих непрошенных гостей. Благо рядом со стеной со стороны пар-

ка росло несколько удобных раскидистых деревьев. Пользуясь их ветвями как своеобразной лестницей, я быстро взобралась на верхушку каменной ограды. Лезть было невысоко, потому как ограда делалась скорее для красоты, нежели для защиты: вот уже в течение нескольких сотен лет в Грелладу не вторгался никто мало-мальски вызывающий опасения. Подозреваю, что наш кусок суши просто-напросто никому не был нужен. Пожалуй, даже та троица, которая сейчас штурмовала препятствие, представляла собой первых внешних интервентов за многие годы. Наверное, их надо было встречать хлебом и солью. Я добралась до конца ограды и не без труда втиснулась между двумя каменными зубцами. Кажется, теперь каждый лишний кусок пирога за обедом будет угрожать моей маневренности.

Передо мной предстала живописная картина. Пожилой мужчина с пышными усами и не менее пышными бровями, одетый по моде городского купечества, пытался посадить на ограду упитанную барышню, своим нарядом больше напоминавшую ведущую танцовщицу местного варьете. Вокруг суетилась худая женщина в чепце в зеленый горошек, с таким количеством кружева, что ее лица я так и не смогла разглядеть.

Я схватилась покрепче за зубец и торжественно произнесла:

– Дамы и господа, попрошу секундочку внимания.

Услышав сверху подобное обращение, девица взвизгнула

и, завалившись назад, упала плашмя, придавив обоих родителей. С мостовой на меня уставились три пары удивленных глаз. Такой эффект льстил моему самолюбию.

– Мне жаль вас огорчать, но королевские смотрины только на следующей неделе. – Я покачала туфелькой, едва не уронив ее с ноги. – К тому же пускать на них будут по приглашениям, иначе вы рискуете быть с позором выставленными за ворота дворца.

Первой очнулась худая женщина, у которой теперь из-под чепца можно было разглядеть вытянутое лисье лицо. Она поднялась на ноги и взяла под локоть своего мужа, пытаясь привести того в такое же вертикальное положение.

– Пойдем дорогой, нам здесь не рады. Счастья своего не знают.

Мужик поднялся, плюнул на мостовую.

– А ты чего, дуреха, слезы размазываешь? А ну поднимайся! – скомандовал он своей дочери, которая уже обиженно поджала губы и, казалось, была готова разразиться фонтаном слез. – Папенька обязательно что-нибудь придумает!

Все трое удалились, не удостоив меня даже взглядом. Я пожалала плечами и начала слезать с ограды, пока кто-нибудь меня не увидел. Говорят, что во время смотрин деда нынешнего короля, Ратмира I, девицы всех сортов и мастей буквально штурмовали замок, в результате чего начальник охраны вынужден был выставить по часовому через каждые несколько метров дворцовых стен, чтобы хоть как-то отпуг-

нуть настырных невест. Особо не помогло, королевой в результате стала дочка бакалейщика, которой хватило ума и расчетливости, чтобы обойти все преграды и соблазнить короля. Не скажу, что Грелада особо пострадала от такой королевы из народа, скорее даже наоборот. Но теперь вся знать зорко следила, чтобы подобного казуса больше не повторилось.

Задумавшись о судьбах сильных мира сего, я сделала неосторожное движение – тут же раздался противный треск рвущейся материи. Рогатый леший! Так никакого гардероба не хватит! Платье разодралось почти по всей длине юбки и висело живописными лохмотьями. Придется до дома пробираться кустами мимо дворца. И что меня дернуло лезть на стену? Сказала бы стражникам, они бы живо шуганули эту трицу. Все-таки страсть издеваться над убогими разумом людьми до хорошего не доводит.

Я зажала в руке разорванный подол и осторожно, постоянно оглядываясь, пошла по тропинке. Горький опыт подсказывал, что именно в такие моменты судьба никогда не бывает ко мне благосклонна.

Половину пути я прошла без особых происшествий. Свидетелями моего конфуза оказались только крысолаки, но этим тварям и дела не было до разорванного платья. Осталось только проскочить мимо служебных пристроек да восточного входа во дворец.

– А я вас везде ищу, – раздался позади голос.

Мое сердце тут же упало в пятки и попыталось затеряться в пальцах. Я медленно повернулась боком к говорившему, стараясь не показывать испорченный подол. Сэр Кит улыбался во все тридцать два зуба. Уход Кларины несколько не убавил его спеси, а наоборот, дал почувствовать некоторую власть в замке. Ну, погоди! Когда съедутся все гости, работы будет столько, что этой ухмылке придется исчезнуть. Я про себя хмыкнула.

– Доброе утро, сэр Кит. Насколько понимаю, завтрак уже готов, раз у вас есть свободное время расхаживать по парку?

– Да как вы могли подумать, что мне взбредет в голову бегать от работы? Уж не считаете ли меня никчемным лодырем?

Именно так и считаю. Я улыбнулась еще шире.

– Рада за вас, вижу, вы даже можете найти свободную минутку, чтобы есть деликатесы на свежем воздухе. – Я кивнула на вазочку с каким-то сиреневым десертом в его руке.

– О, вы совсем не так поняли. – Он протянул мне креманку с устрашающего вида нагромождениями взбитых сливок. – Это для вас.

Я в восторге. Знаю, этот дармоед просто нашел наилучший способ, чтобы поизмываться надо мной.

– Сэр Кит, вы же знаете, что мне не нравятся десерты, к тому же управляющая слишком занята, чтобы тешить ваше самолюбие подобным образом. – Я стала стратегически отодвигаться дальше по дорожке. Еще несколько шагов – и

можно будет спокойно скрыться в кустарнике. Только он меня и видел!

– Я понимаю, что вы спешите сменить это разорванное платье. – Парень свободной рукой подкрутил рыжий ус. – Но стоит вам уделить мне всего лишь секунду, и во дворце никогда и ни у кого не возникнет вопросов, что госпожа управляющая делала с утра в столь непристойном виде.

Я зашипела от досады, что еще больше позабавило сэра Кита. Нахал рассмеялся так, что у меня мурашки пошли по коже. Кажется, мне «посчастливилось» нанять на работу Мирное Зло. Именно так, с большой буквы.

– И на кой лад я вам сдалась? – Взяв из его рук злосчастную вазочку, мне не удалось подавить стон отчаяния.

– Видите ли, я не привык, чтобы женщины воротили нос от моих десертов. Это задевает самолюбие.

По его усмешке было ясно, что самолюбие его настолько велико, что вряд ли даже целый полк девиц на диете мог бы его задеть.

– Почему оно такого странного трупного цвета? – пробормотала я себе под нос, подозрительно принюхиваясь к десерту.

– Там ежевика. – Судя по голосу повара, высказывание все же его задело.

– Верю на слово. – Глубокий вздох, и отправляем ложку с фиолетовой массой в рот.

Главное – держаться, иначе этот кошмар никогда не кон-

чится. Боже, ну какая же все-таки гадость, и не запьешь! Я натянуто улыбнулась.

– На этот раз неплохо, – попыталась придать голосу убедительности, но никак не получалось. – Вот, можете же, когда постараетесь! Ну, теперь мне пора!

– А доедать не будете? – Вид у повара был растерянный, даже усы поникли.

Не дай бог это еще и доедать! Воспользовавшись замешательством мучителя, мне удалось скрыться в зарослях. Надеюсь, на сегодня это будет последним приключением. Я подхватила подол поудобнее, но не успела сделать и нескольких шагов, как позади раздался еще один знакомый мужской голос:

– Леди Николетта, доброе утро! Мне необходима ваша помощь.

Ну почему? Почему я не могла встретить по дороге какую-нибудь служанку? А еще лучше портниху? На худой конец, сгодились бы и сваха. Почему на пути попадаются именно те представители мужского пола, которых в данном положении мне хотелось бы видеть меньше всего.

– Доброе утро, ярл Амеон. – Я с отчаянием почувствовала, что краска жаркой волной поднимается от шеи к лицу – проклятие всех белокожих и веснушчатых. – Чем могу помочь? Может, вас не устраивает работа королевского повара?

Даже в таком положении не перестаю надеяться, что судь-

ба сделает мне хоть какой-то подарок.

– Нет, что вы. Мы вполне довольны его блюдами. Проблема в другом. – Ярл несколько замялся, но мне было не до того, чтобы удивляться его нерешительности. Пальцами левой руки я пыталась собрать разорванный подол в кучу и придать ему вид причудливой драпировки. Хотя со стороны, наверное, казалось, что я чешу пятую точку. Провалиться бы сейчас на месте!

– Говорите же. – Меньше всего мне сейчас хотелось вежливо ждать. – В мои обязанности входит следить за обустройством гостей.

– Не сочтите за сумасшедшего, но принцесса Сора и половина нашей свиты видели... привидение около наших покоев.

– Привидение?! – От удивления я даже выпустила подол из рук.

– Я бы не стал вас беспокоить по этому поводу, привидение в современном замке – это такая нелепость, но вчера вечером и сам увидел ее...

– Ее?

– Женщину в белом балахоне, она бродила по коридору.

Новость о привидении перестала казаться мне такой уж нелепостью. Знаю я одну женщину в белом. Правда, ни к чему потустороннему она не имеет ни малейшего отношения.

– Простите за мою неосведомленность, но, я так понимаю, вам выделили покои на третьем этаже восточного крыла?

– Да-да, немного далековато от основных помещений, но комнаты нас вполне устраивают.

Очень мило с его стороны. Совсем недавно в этих комнатах проживала только плесень. Вернее, несколько сотен ее видов. И только неделю назад я заставила господина Гальяно разогнать это общежитие.

– Постараюсь разобраться с этим сегодня же.

– Госпожа управляющая умеет изгонять призраков? – удивленно спросил кочевник.

Я немного засмотрелась на его флуоресцентные глаза и поэтому произнесла вслух:

– Еще как.

Удивление стало еще больше и еще непосредственнее. Неужели я похожа на ведьму? По-моему, трудно придумать более земное создание. Или приземленное.

– Простите, сейчас мне некогда, у меня есть еще незаконченные дела.

Надо побыстрее ретироваться, пока разговор опасно не затянулся.

– Леди Николетта, мне очень неловко, но у вас порвано платье.

Очень предупредительно! А то я не знаю!!! Мог бы сделать вид, что не заметил.

– Спасибо. – Неловкости не скрыл даже мой смущенный смех. Странно, но в правилах хорошего тона никогда не пишут, как вести себя в подобных ситуациях. – Вы знаете,

управлять замком не только трудно, но и временами опасно.

Правильно, мило пошутим. Главное, чтобы он не представил, будто на меня напали крысолаки и я порвала платье, героически от них отбиваясь. И впрямь пойдут слухи, что в замке не все гладко.

Цель была уже совсем близко – всего в каких-то десяти шагах, но судьба-злодейка все никак не могла оставить меня в покое. Прямо перед крыльцом моего дома стоял сэр Ульвен – человек, с которым я ни за что в жизни не захотела бы лишний раз встретиться и в лучшем положении, чем мое нынешнее. Дело в том, что наивысшей радостью и, можно сказать, смыслом жизни сэра Ульвена было поучать других людей. Неважно чему и по какому поводу, и уж тем более неважно, насколько глубоки познания самого сэра Ульвена в данной области. Важнее всего то, что он, достигнув пятидесятилетнего возраста, свято верил, что потеря былой ловкости и красоты автоматически компенсируется мудростью. Поэтому преследовал всех и вся с маниакальной дотошностью, пытаясь научить уму-разуму, или, на худой конец, осчастливить советом. Надо сказать, что сэру Ульвену не раз пытались поручить хоть какое-то дело (не как в признание заслуг, но чтобы избавиться от его назойливого присутствия), однако этот непревзойденный советчик в любой области приносил едва ли не катастрофические беды, умудряясь при этом всю вину сваливать на кого-нибудь постороннего.

Со мной у придворного были особые счеты, поскольку он уже не раз пытался занять место управляющего замком. Если прикинуть, то в замке трудно найти хоть одно должностное лицо, у которого не было бы со мной счетов. Можно подумать, что меня прокляли.

Я собралась было развернуться и зайти в дом с черного хода, но оказалось, что отступать уже поздно – меня обнаружили, опознали и сразу же пошли в наступление.

– Леди Николетта, глядя на ваш внешний вид, я еще раз убеждаюсь, что работа управляющего не для женщины. Если бы ваш отец мог сейчас вас видеть, он скончался бы на месте от позора и горя. – Судя по тону сэра Ульвена, он был не столько расстроен этим фактом, сколько доволен.

– Вы правы, драгоценнейший сэр. – Я по примеру собеседника тоже забыла поздороваться. – С этой минуты, следуя вашему наимудрейшему совету, буду ходить исключительно в мужских штанах.

Придворного перекосило, как от запаха кислой капусты, и я решила воспользоваться шансом, чтобы наконец-то проскочить в дом. Не тут-то было. Сэр вовсе не по-благородному схватил меня за юбку уже на самых ступеньках, от чего материал затрещал и стал расходиться дальше по шву. Если бы не моя быстрая реакция, стоять бы мне на крыльце в одних панталонах, а они, как назло, в цветочек.

– Не так быстро, молодая леди.

Ну все! А я еще, дуреха, думала, не слишком ли жесток

мой план в отношении сэра Ульвена. Но теперь от человеколюбия не осталось и следа! Передумав бить сэра острым каблучком по коленке, чтобы вырваться, я повернулась к несчастному с самой своей широчайшей улыбкой. Если бы он знал, что затевается в моей голове, то, скорее всего, предпочел бы физическое воздействие.

– Сэр Ульвен, а ведь я совсем забыла, что хотела с вами посоветоваться!

Придворный тут же выпустил из рук то, что осталось от моего многострадального платья, ибо с подобным предложением никто не осмеливался к нему обращаться вот уже лет эдак пять. Я ведь как никто другой умею польстить чужому самолюбию.

– Я весь внимание.

– Королевский сад представляет сейчас довольно печальное зрелище...

– А я всем сто раз говорил, но никто не желал слушать. – Младший лорд сел на любимого конька, и мне пришлось его перебить:

– Вот решила выделить небольшую часть парка и одного из садовников, чтобы попросить вас взять их под свой контроль и таким образом показать пример хорошего ухода за садом.

Наказание провинившегося садовника будет жестоким. Интересно, кто кого быстрее сживет со свету?

– Ну вот, я всегда верил, что в вас есть доля благоразумия!

Большое спасибо! А то я сегодня с утра засомневалась.

Сэр Ульвен просиял, теперь ему явно было плевать на мой неподобающий внешний вид.

– Выделенного вам садовника можете забрать из караульной, он недавно немного провинился, так что не стесняйтесь в методах. Ну а часть парка, которую вы удостоите чести, применив свои таланты, находится в западном углу. – Лавровый холм садовник вам покажет.

Холм я выбрала не случайно – работы там невпроворот, но, даже если эти двое умудрятся натворить нечто страшное, никто не увидит, так как место это что ни на есть глухое.

– Леди Николетта, вы определенно можете на меня положиться. Недаром я буквально вчера говорил королю, что нельзя все взваливать на хрупкие женские плечи.

Ох уж этот пустозвон! Знала, что он будет пытаться убеждать всех и всякого, будто я не гожусь на роль управляющего, но мне и в голову не приходило, что он дойдет до его величества.

– Как это мило и предусмотрительно с вашей стороны. – Главное вовремя закусить губу, чтобы с языка не сорвалось чего-нибудь лишнее. – Надеюсь на скорейшие результаты в порученном вам деле. А сейчас разрешите откланяться – я должна привести себя в порядок.

– Конечно-конечно. И у меня теперь тоже есть наисрочнейшие дела.

Вот так. Врагов надо разводить ласково.

Что-то в последние дни мой гардероб становился все меньше, а куча тряпочек для протирания пыли – все больше. При такой нагрузке управляющему должны выдавать молоко за вредность и месячный отпуск на поправку здоровья. Я быстренько закрепила все крючки на корсаже (слава богу, жесткие шнурованные корсеты вышли из моды еще при предыдущем поколении!), убедилась, что новое платье сидит нормально, и выскочила из своей комнаты. Одежда, не эпатирующая публику, серьезно прибавляла уверенности в себе. Итак, что у нас в меню на сегодня?

«Привидение» на третьем этаже, выводящее кочевников из душевного равновесия, – это на завтрак.

Травля крысолоков сомнительными методами – это на обед.

Королевский повар, у которого явно слишком мало работы, – это на ужин.

Каждой трапезе необходимо отдать дань с должной изобретательностью.

Надо сказать, что за всю свою сознательную жизнь настоящего привидения я не видела ни разу. И если даже допустить, что таковое существует в замке, то оно скорее съело бы свои оковы, чем появилось на третьем этаже восточного крыла. Бедлам и гомон стоял, как... как... как у кочевников на привале. Нет, сама я лично никогда на стоянке кочевников не была, но по ощущению в пустыне они останавливались именно так: с разбросанными повсюду коврами, тюка-

ми и шурами, вечно суетящимися людьми, громкими разговорами на непонятном шипящем языке, протяжными песнями и кислым запахом какого-то алкоголя. Третий этаж был неузнаваем. Если бы я могла предугадать, что так будет, то не настаивала бы на приборке. Гости, несомненно, чувствовали себя как дома.

За одной из дверей слышался высокий требовательный голосок принцессы Соры. Я проскользнула мимо побыстрее, чтобы еще раз не встретиться с этим маленьким чудовищем. Прочие кочевники на меня внимания почти не обращали, лишь иногда сторонились, давая дорогу. Придется даже признать за дворецким некоторую дальновидность. Если бы кочевники получили другие покои – не видать нам ни минуты тишины. Опять же это привидение... Надо же такое придумать!

Не то чтобы я не верила, что кочевники видели привидение (они определенно что-то видели), вот только им не хватило некоторой осведомленности в делах двора, чтобы понять, что это не привидение. Ни одно королевское семейство не обходится без тайн или без сумасшедших родственников. В данном случае это была не такая уж тайна, да и родственник был не настолько не в себе, но, понятное дело, положение вещей никто не стремился афишировать. Младшая сестра покойного короля с самого детства была со странностями, по крайней мере, все вокруг так утверждали. Я же ничего странного в ее поведении не видела, окажись ваша скромная

слуга на месте принцессы, двор, наверное, вообще предпочел бы, чтобы меня держали в смиренной рубашке. Как бы то ни было, принцесса Виолетта под разными предложениями спровадила тьму-тьмушую женихов, предпочитая выгодной партии пленэры на природе и гончарную мастерскую. По прошествии двух десятков лет (во многом благодаря осуждению двора и злобным насмешникам) Виолетта превратилась в старую деву, живущую в своем мире и не желающую, чтобы ее из этого мира вырывали. Да, наверное, многим это казалось именно сумасшествием. Как бы то ни было, сейчас женщина обитала в дальнем крыле дворца под присмотром одной-единственной служанки и никому не доставляла хлопот, если никто не доставлял хлопот ей. А еще летом она носила просторные белые балахоны, вечно испачканные красками и глиной. Все это вкупе и могло породить слухи о пресловутом привидении.

Дверь, за которой находились покои принцессы Виолетты, располагалась в самом конце коридора. Здесь было прохладно, сумрачно и тихо. Гомон кочевников долетал сюда, но не настолько отчетливо, чтобы это могло кого-либо побеспокоить. Я постучалась, но вошла, не дожидаясь ответа. Очутившись в небольшой передней, зажмурилась от яркого солнца, светившего из окна. После мрачного коридора глазам было не так-то просто привыкнуть. Под окном в кресле-качалке сидела пожилая женщина, она изредка отталкивалась носком ноги от пола, отчего кресло двигалось мерно и

усыпляюще поскрипывало. В такт креслу, словно в каком-то диковинном оркестре, постукивали спицы в ее руках.

Служанку звали Мириам. И если она не была занята делами, то всегда вот так вот караулила под дверью принцессы, будто бы ожидая, что та на старости лет решится на побег из дворца.

– Доброе утро, Мириам, – вежливо поздоровалась я, чем сразу нарушила гармонию помещения.

– Доброе. – Взгляд ее серых глаз нельзя было назвать враждебным, но и симпатии ко мне она явно не испытывала.

– Скажите, пожалуйста, ее высочество в последние несколько дней из комнаты по ночам не выходила?

– Я такого не припомню. Но разве ж за молодыми углядишь. Эта вертихвостка кого угодно вокруг пальца обведет. – Служанка даже на секунду не прервала работу.

Ирония заключалась в том, что одну сумасшедшую поставили, чтобы стеречь другую. Если принцесса Виолетта находилась в своем, неведомом нам мире, то мир Мириам вполне можно было себе представить, если мысленно вернуться в прошлое лет на двадцать.

– Я поговорю с принцессой? – Может быть, она будет чуть более адекватна.

Служанка сделала короткий жест спицами, который я расценила как знак – валяй! – и поспешила воспользоваться приглашением. Постучала в дверь, ведущую в комнату принцессы, и, не дождавшись ответа, решила войти.

За дверью скрывалось огромное светлое помещение, пропитанное запахом краски. Но вот то, что я там увидела, несколько отличалось от ожидаемого. Принцесса Виолетта в белой просторной одежде с растрепанными вьющимися волосами сидела за мольбертом, кисть в ее руке замерла и вот-вот грозила испачкать зеленой краской колени. Внимание женщины было приковано к гиганту, который сидел посреди комнаты на колченогой табуретке и терзал лютню.

– Доброе утро, ваше высочество. – Я присела в реверансе, тупо следуя протоколу, хотя прекрасно понимала, что принцессе было бы наплевать, даже если бы я сказала ей: «Привет!»

А вот бард остановил свою игру и, вскочив с табуретки, рискуя пробить головой потолок, поклонился:

– Доброе утро, леди Николетта. Я решил сыграть для принцессы свою новую песню.

– И кто же властительница ваших дум на этот раз? – только и оставалось мне спросить лукаво, ибо список жертв его таланта мог бы занять минут пять при перечислении.

Бард зарделся, словно разоблаченный подросток. Покоритель женских сердец из него был и вправду аховый. Ходили даже слухи, что кто-то его проклинал. Не знаю, так ли, но я старалась быть в курсе его приключений, так как было невероятно интересно, чем же все кончится и, главное, – когда. Начнем с того, что звали его Наталь и имя его настолько же ему не подходило, как и искусство барда. Он был не менее

двух метров роста, упитанный, причем без намека хоть на какую-то фигуру, с лицом румяного пупса и руками, больше похожими на садовые лопаты. Лютни для него делались только на заказ. Обладая довольно влюбчивой натурой, каждой даме сердца Наталь посвящал серенаду (в результате чего их накопилось столько, что хватило бы и на гильдию бардов). Обработанные любовными рифмами дамы таяли, словно ледяные скульптуры на солнце, и очертя голову бросались к нему в объятия. После нескольких свиданий или бурной ночи – это уж кому как позволяла совесть – у барышень внезапно открывались глаза на ухажера, и он не казался им таким уж неотразимым. Далее с ледяным отчуждением или шумным скандалом – опять же насколько кому позволял характер – дамы расставались с бардом, оставляя последнего с разбитым сердцем. Впрочем, ненадолго. Запасы безмозглых девиц в нашем королевстве были неисчерпаемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.